Татьяна Богатырева
Любой каприз
за вашу Душу
Нью-Йорк
ИДДК

Татьяна Богатырева

Любой каприз за вашу душу. Нью-Йорк

«ИДДК»

2018

Богатырева Т. Ю.

Любой каприз за вашу душу. Нью-Йорк / Т. Ю. Богатырева — «ИДДК», 2018 — (Любой каприз за вашу душу)

«Любой каприз за вашу душу. Нью-Йорк» – остросюжетный любовный роман Татьяны Богатыревой. Она снова бежит – от разочарования, от невозможной любви, от самой себя. Ее сердце рвется между двумя мужчинами, и время вряд ли поможет излечить эту рану. Выбор между условностями и любовью, страхом и доверием, вечным бегством и счастьем вопреки обстоятельствам ждет восходящую звезду в Нью-Йорке. Предупреждения: Высокое содержание эротики! Сверхвысокое содержание хулиганства! БДСМ! Аморальное поведение героев!

© Богатырева Т. Ю., 2018
© ИДДК, 2018

Содержание

Глава 1. Нью-Йорк, Нью-Йорк 5
Глава 2. Миг в невесомости 9
Глава 3. Завтрак без Тиффани 16
Глава 4. Бонни и Клайд 21
Глава 5. Еще одна комната Синей Бороды 26
Глава 6. Принц и нищий, или Когда из шкафа что-то вываливается 31
Глава 7. Неон-трава, или Сам дурак 34
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Татьяна Богатырева
Любой каприз за вашу душу. Нью-Йорк

Глава 1. Нью-Йорк, Нью-Йорк

Нью-Йорк

Роза

Он снова уходил.

Я бежала за ним по улицам ЛА, по залам торгового центра, по коридорам чужих квартир и Гнесинского училища, по лабиринтам московских дворов и бостонских автомастерских. Я звала его, задыхаясь от отчаяния. Мне хотелось взлететь, но мои ноги не могли оторваться от болота, в которое превратился асфальт. Я рвалась за ним, кричала и плакала, но он не слышал.

И не оборачивался.

А потом я вдруг оказалась в «Зажигалке», полной народу, и откуда-то знала: он тут. Сидит у стойки, ждет меня. И ему ни в коем случае нельзя оборачиваться.

Под ногами по-прежнему было вязкое болото, и такая же вязкая тишина висела в низком мрачном зале, совершенно не похожем на реальную «Зажигалку», но в то же время это была она.

Я знала, что это «Зажигалка» и знала, что мне снится кошмар. Но проснуться не могла и не хотела, потому что мне непременно надо было его догнать.

Здесь, сейчас.

И я шла, спотыкаясь и увязая, бесконечные километры от двери до стойки, видя только гриву черных волос и обтянутую белой майкой спину.

Дождись меня. Не оборачивайся. Пожалуйста!

На этот раз все будет хорошо, непременно будет! Только дождись!..

Он смотрел на меня через зеркало, через десятки зеркал – за стойкой, на стенах, на потолке. Улыбался мне такой знакомой кривоватой и нежной улыбкой, на его глазах снова была повязка, и в то же время ее не было.

– Мадонна, – громко, на всю крохотную вселенную моего сна, шепнул он, когда я оказалась рядом, за его спиной, и коснулась ладонью колючей щеки.

Болото под ногами пропало, стало легко и светло до звона, и я точно знала: все получилось. На этот раз он не окажется геем и не превратится в козла, не сбежит и не наорет на меня, в его глазах не будет разочарования или ненависти. Все получилось. Он здесь, со мной, видит меня… меня, не маску! Прижимает меня к себе, целует – его руки, его губы повсюду, мне жарко и сладко от касания его обнаженной кожи, от громкого биения его сердца, от его дыхания у моего виска…

– Бонни, – выдохнула я, вплетая руку в его волосы, и потерлась ягодицами о его твердый член. – Мой Бонни!..

Почему-то мои пальцы соскользнули, словно привычная черная грива вдруг стала короткой, но мне было не до того.

– Я люблю тебя, моя Роуз, – выдохнул он мне в затылок и с низким стоном вошел в меня, накрыл ладонью грудь, и все стало совсем хорошо и правильно. Мой Бонни со мной, любит меня и никуда больше не денется.

В его руках я выгибалась, чтобы еще ближе, еще глубже и полнее. Стонала – мой Бонни, люблю тебя, люблю!.. Сжимала его запястье под свое щекой, терлась о него лицом, и, заведя руку за спину, гладила ладонью его напряженное, ритмично двигающееся бедро.

– Еще, Бонни, еще, да, прошу тебя!..

– Роуз… – хрипло и низко простонал он, вбился особенно сильно, и меня накрыло ослепительно жаркой волной, смыло, унесло, и единственным во всем мире остался он, мой Бонни, обнимающий меня, шепчущий на ухо: – Моя маленькая колючка, люблю тебя.

«Колючка? Почему колючка? Что-то тут не то…» – зашевелились ленивые мысли.

Было слишком хорошо в его объятиях, с ним внутри меня, чтобы думать. Особенно когда он вот так водит ладонью по моей груди, по животу, останавливает руку между ног и прижимает к себе. Только невнятно стонать от удовольствия и прогибаться под его рукой, гладить его пальцы – сильные, ласковые, чуткие.

Боже, как хорошо!.. Так хорошо, что совершенно не хочется открывать глаза и вспоминать, что…

Что я в Нью-Йорке. И во мне сейчас не Бонни, потому что Бонни остался в ЛА.

Я машинально распахнула глаза, глянула на руку, на которой лежала щекой. Мощную, с длинными ухоженными пальцами, покрытую светлыми, почти золотистыми волосками. И, замерев, подняла взгляд – к зеркалу напротив постели. Широкой, чертовски удобной, застеленной тончайшим белым льном, незнакомой постели.

В зеркале отражалась я – голая, раскрасневшаяся, довольная, как наблудившая кошка, и милорд Кей. Его лица я не видела за собственной головой, только руки, и плечо, и голую ногу между своих ног. Невероятно эротично. И красиво. И да, он на самом деле еще лучше, чем я когда-то мечтала, слушая храп Кобылевского и пытаясь понять, что же со мной не так и чего же мне не хватает, что в постели с мужем, сразу после секса, я думаю о совершенно постороннем мужчине.

Со мной снова что-то не так.

Я в постели с Кеем, мне хорошо до сумасшествия, но снится-то мне Бонни. И самое ужасное – я называла Кея чужим именем. Это сейчас, пока он расслаблен после оргазма, ему может быть все равно. Но через пару минут…

Боже, почему я такая дура, а? Ни один мужчина не простит такого наплевательства в душу. Самолюбие – самый нежный и ранимый мужской орган. И я в первую же ночь… то есть утро… черт! Первое утро вместе, и я уже обидела его…

Я даже зажмурилась от досады на несправедливость жизни. И на Бонни – какого черта он не отпускает меня? Сам наорал, сам сказал – не хочу тебя видеть! Зачем теперь снится?! И Кей, да, Кей! Сам виноват, я его предупреждала. Он знает, что я люблю Бонни! Вот и нечего теперь!..

– С добрым утром, моя маленькая колючка, – сказали мне на ухо и вытянули из-под меня руку. Вторая, лежащая между моих ног, никуда и не делась. И член во мне – тоже. А сказали нежно и чуть насмешливо, и потерлись губами о мою скулу. – Ну, посмотри на меня.

Я с тихим вздохом открыла глаза. Кей рассматривал меня в зеркале, опершись на локоть. Он выглядел расслабленным, довольным и даже веселым. А мне было до чертиков сладко и уютно, но при этом хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

– Если ты опять попробуешь сбежать, я все равно тебя найду.

Он подмигнул моему отражению и тут же перевернул меня на спину, прижал к постели бедром и поднял мои сомкнутые запястья над головой. Я даже не успела испугаться (или была для этого слишком удовлетворена), как Кей нежно-нежно поцеловал меня в губы.

– Ты не?.. – попыталась спросить я, едва он оторвался, чтобы вздохнуть.

– Нет, – он тихонько рассмеялся и потерся носом о мой нос. – Не волнуйся за мою тонкую и ранимую психику, маленькая колючка. Я знаю, что ты любишь Бонни и что он тебе снился. Ты половину ночи его звала.

Мне опять захотелось зажмуриться или хотя бы отвести взгляд, слишком ярко вспомнился голос за моей закрытой дверью: «Прошу тебя, мадонна!..» Может быть, я зря сбежала? Может быть, надо было встретиться с Бонни, объясниться?..

Глаза цвета тауэрских камней потемнели, крылья носа затрепетали – и я снова увидела лисьего охотника, загнавшего добычу, предвкушающего окончательную победу. Правда, я совершенно не чувствовала себя лисой, и побежденной тоже. Зато с невероятной остротой ощущала его возбуждение, вес его тела на себе, хватку ладони на моих запястьях. Приступ мартовского кошкизма? Почти как…

Меня опять залило жаром от всплывшей перед глазами картинки: я сижу на коленях у Бонни, спиной к нему, его член во мне, его ладони ласкают мою грудь, а Кей – между ног, моих и Бонни, вылизывает нас обоих там, где наши тела соединяются.

Я едва подавила стон, так это было горячо, сладко и откровенно. И в глазах Кея я отчетливо видела: он тоже все помнит в подробностях и знает, что я помню, знает, что я хочу повторить. Прямо сейчас.

– Мне нравится, когда ты говоришь: «Бонни». – Он раздвинул коленом мои ноги (на самом деле они раздвинулись сами, и сами обхватили его за бедра), навис надо мной, касаясь головкой, но не входя внутрь. Коснулся губами моих губ, чуть прикусил нижнюю, тут же лизнул. – Хочу вас обоих. Вместе.

Его хрипловато-задыхающийся голос отозвался во мне жаркой судорогой желания – отдаться ему, сделать все, что он только пожелает, подчиниться ему целиком и полностью. Это было так сильно, что я испугалась. Не знаю, чего, не понимаю… Я смогла только так же хрипло выдохнуть:

– Кей, пожалуйста…

Он не дал мне закончить, поцеловал – жестко смяв губы, ворвался языком в рот, сильнее сжал запястья. Я подалась навстречу, взять его в себя, поймать своего охотника… но у меня не вышло. Он вжался в меня бедрами, так что член оказался зажат между нами, позволяя мне тереться о себя, сам толкнулся и не то зарычал, не то застонал мне в рот, снова прикусив мою губу…

– Пожалуйста!.. – я уже не понимала, чего прошу, все слова растерялись, утонули, их снесло к чертям собачьим. – Кей!..

Он снова толкнулся, прижавшись щекой к моей щеке, прорычав мое имя, и замер. Поднял голову. Тихо велел:

– Открой глаза и посмотри на меня.

Я застонала от разочарования, но послушалась. Все было как в тумане, я видела только его, чувствовала только его, и хотела сейчас же, сию секунду, заполнить сосущую пустоту внутри – им.

– Позвони Бонни. Сейчас.

Плохо понимая, чего Кей хочет, я снова подалась к нему, потянулась губами, позвала:

– Кей, иди ко мне. Ну же, я хочу тебя!

Его бедра дернулись, он на миг прикрыл глаза, сглотнул и повторил:

– Позови к нам Бонни, Роуз. Сделай это для меня.

– Да, Кей… ну же!.. – я с трудом понимала, что именно обещаю, но мне было все равно. – Что угодно, только возьми меня, наконец!..

В его глазах промелькнуло торжество: Никель Бессердечный снова получил все, что хотел.

– Ты обещала, – он все еще медлил, но это был сумасшедший миг предвкушения, когда я точно знала: он мой, сейчас он войдет в меня, и будет ураган, цунами, потоп и фейерверк. Вместе.

– Да, мой лорд, – улыбнулась я.

И цунами пришло – с подземными толчками, перехлестывающими волнами и унесенной в Изумрудный город крышей. И, конечно же, электрический фейерверк. Он пронзил меня с ног до головы, рассыпался искрами, очистил от всех сомнений вместе с последними мыслями

и выбросил на льняной белый берег – хватать воздух открытым ртом и обессиленно смотреть на солнечные пятна, скользящие по потолку.

Первым, что я осознала в реальности, была рука Кея, собственнически лежащая поперек моего живота. Потом вернулось ощущение прохладного воздуха на влажной коже, запах кофе и выпечки, какие-то шуршащие и звенящие звуки за дверью спальни.

Ну да. Мы же в доме Кея, и здесь есть как минимум горничная – вчера нас встречала строгая дама лет сорока, в фартуке и с кружевной наколкой. Кажется, Кармен. Или Кара. Не помню толком, было четыре часа ночи (или утра), я наполовину спала и не факт, что дошла до лифта своими ногами. Есть шанс, что меня несли. Смутно помнится, что на кровать я рухнула прямо в одежде, и кто-то стаскивал с меня джинсы, а я просила меня пристрелить, но только не мучить.

М-да. Никакого почтения к милорду.

Я тихо рассмеялась. Черт знает, чему – то ли солнечному полудню, то ли расслабленному дыханию Кея рядом, то ли просто так, от полноты ощущений. Видимо, ради этой же полноты ощущений меня пощекотали – легонько, почти не щекотно прошлись пальцами по животу, словно рисуя узор. И так же легко поцеловали в плечо.

– Я же говорил, что нам будет хорошо вместе.

– Говорили, милорд.

Он тихо, рокочуще рассмеялся, а потом с нескрываемым восхищением шепнул:

– Заноза.

– Да, милорд. Все что пожелаете, милорд. – И, покосившись на Кея, показала язык.

Теперь мы смеялись вместе, и мне было невероятно, просто сказочно хорошо. Сейчас я не понимала, как можно было быть такой дурой, чтобы отказаться от Кея? От его тепла, его смеха, от его руки, властно обнимающей меня, от безопасности рядом с ним. Одно только ощущение, что этот мужчина никогда меня не подведет – уже сказка.

– Милорд желает кофе и еды. Много вкусной еды. – В доказательство меня очень грозно укусили за плечо и немножко порычали.

– Не ешьте меня, милорд, отравитесь.

Я взъерошила шелковистые светлые волосы, запустила в них пальцы. Все равно короткие, не ухватишь. А хочется! Хотя бы ради того, чтобы проверить, как он отреагирует. Сколько я еще не знаю об их милости лорде Говарде!

Их милость снова смеяться изволили и выглядели совершенно довольными жизнью. Почти как кот, которого чешут и хвалят. Правда, не кормят, а ведь полдень на дворе!

– Моя леди предпочитает завтрак в постели или на террасе?

Я чуть было не сказала «в постели», но организм напомнил, что полдень на дворе, а я еще не умывалась. И все прочее – тоже не, а пора. Потому я выбрала завтрак на террасе, целомудренно завернулась в измятую простыню и царственно удалилась исследовать территорию. Правда, простыню с меня попытались стянуть, но недостаточно убедительно. В смысле, я ее отвоевала, победно фыркнула – и под жизнерадостное ржание Кея таки пошла в ванную.

Глава 2. Миг в невесомости

Лос-Анжелес, вчера

Бонни

Четвертый литр отвратительного мятного чая подходил к концу, день – тоже, но не страдания Тома по подлой измене любимого мужчины. Он все ныл, и ныл, и жаловался, и снова ныл. А Бонни делал вид, что слушает, кивал и подливал мятного чая в надежде, что Тома наконец стошнит и он заткнется.

Том – эгоистичная zhopa. Не то чтобы раньше Бонни был не в курсе, но сегодня мистер Великий Режиссер превзошел сам себя. Такого количества стонов «никто меня не любит, не ценит, не понимает и шоколадику не дает» хватило бы на десять тонких и ранимых творческих личностей, причем на целый год. Бонни же все досталось разом, за каких-то несколько часов. К концу дня хотелось Тома пристрелить, из чистого милосердия, чтобы не страдал. Но не стрелять же режиссера и соавтора за месяц до премьеры! Тем более что посадят-то как за человека.

Все. Никогда больше никакой работы психотерапевтом по вызову! Ни-ког-да! Хочет zhopa топиться – пусть топится. Ощущение, словно бульдозер по тебе проехался, причем неоднократно. Единственное, что помогало Бонни сдержаться и не накостылять другу по шее (в чисто терапевтических целях!) – предвкушение вечерней встречи с мадонной. Хотя желание кого-нибудь убить никуда не делось. Но Тома убивать нельзя, нужна другая жертва. Самой подходящей был бы Энтони Вайнштейн. От его довольной физиономии на порванных фотках (Том рвал их на глазах у Бонни, показательно, со слезой и страстью) и тысячного по счету стенания о Единственной Великой Любви уже тошнило. Но лишаться капитана Фебюса за месяц до премьеры – еще глупее, чем режиссера.

Japona mat`! Почему именно Бонни приходится быть в этом дурдоме самым умным и уравновешенным? Бонни, между прочим, тоже творческая личность, ему положено истерить, кидаться табуретками и требовать обожания, трепета и шоколадику! А строить пациентов дурдома и не допускать побега особо опасных дебилов – дело помощника режиссера. Мисс Кофи. Какого черта он делает ее работу?

Уволить ее, уволить на хер!

– Ты меня совсем не слушаешь! – Том пустил очередную крокодилью слезу. – Даже тебе я не нужен…

– Нужен. Слушаю, – вздохнул Бонни.

Можно было, конечно, послать Тома и свалить домой, но эта zhopa запросто без присмотра опять ввяжется в приключения. И так вчера еле успели его вытащить. Или, того хуже, настолько поверит в собственные страдания, что выпадет из окна.

Нет уж. Придется дождаться Люси, она обещала сменить Бонни часов около пяти.

Какого черта Фил не дал ему телефона мисс Кофи? Трахает он ее, что ли?

Неприятная мысль. И дурацкая. Мисс Кофи влюблена в Бонни, как кошка, и вряд ли будет трахаться с Филом.

Вообще надо было уволить ее, когда выяснилось, что она – не мадонна. Слишком это оказалось досадно, Бонни сам не ожидал, что настолько. Конечно, она ему нравилась с самого начала. Было в ней что-то такое, неоднозначное. Вроде обычная офисная девочка, но с другой стороны – не такая уж обычная. Труппу строила только так, честно заслужила свой капральский значок. При этом красива, отлично двигается, даже петь более-менее умеет, но ни разу не попыталась втиснуться в постановку, хотя возможностей было хоть отбавляй. А какие от нее летели искры!.. Одна только текила в лицо чего стоила!

Бонни чуть не рассмеялся, но вовремя вспомнил, что он вообще-то выслушивает страдающего друга и должен понимающе кивать, а не ржать чему-то своему.

Но сцена в ресторане случилась просто на загляденье. Страсть, огонь! Если б Том не помешал – завалил бы мисс прямо там, на стойке…

Чертовски жаль, что она – не мадонна. Вышла бы настоящая романтическая комедия. А так Бонни чувствует себя полным дураком: он, режиссер и хореограф, обознался! Все так хорошо сходилось: мисс в него влюблена, характер взрывной, актерские данные в наличии, фигура и пластика похожи, интонации – тоже, плюс некоторые мелочи, вроде «мечтала выпороть козла-начальника». Правда, Роза вроде как была замужем за англичанином, а мисс Кофи – русская, и стиль в одежде совершенно другой, и голос, да и чтобы не выдать себя на работе, актерских задатков маловато, тут нужно кое-что посерьезнее…

Все-все. Хватит. Мисс Кофи четко дала понять, что она – не Розетта, и от Бонни ей нужен не просто секс ко взаимному удовольствию, а нечто большее. То, что он не готов дать никому, кроме единственной женщины на свете.

Роза, Розетта. Mia bella donna. Нежный цветок с ядовитыми колючками. Чудо. Благословение господне. Девушка, которой нужен сам Бонни, со всеми его заморочками, а не лицо с обложки или насквозь придуманный принц-миллионер. Ведь если бы ей нужны были деньги, она бы вышла за Кея: по сравнению с ним Бонни – нищий. И на принца Кей похож до десятого знака после запятой. Но она выбрала Бонни… черт, осталось всего ничего! Она придет в «Зажигалку», Бонни ее сразу узнает – не может не узнать! – и сделает ей предложение по всем правилам.

Бонни пощупал коробочку в кармане (так и носил кольцо с собой с прошлых выходных, как талисман) и раз, наверное, в сотый посмотрел на часы. Без пяти пять.

Когда Том, наконец, заткнется? И когда, наконец, придет Люси и избавит его от риска свернуть шею страдающему придурку?! Езу, дай мне терпения в стотысячный раз выслушать историю его бестолковой жизни! Классический голливудский гений, japona mat`. Совершенно не приспособленное к жизни существо, только ленивый не пнет и не обдурит.

Да заткнись уже!..

Том внезапно заткнулся и закашлялся. А Бонни устыдился. Нельзя злиться на беззащитного гения, будь он сто раз zhopa.

Пока Бонни хлопал Тома по спине и вытирал ему слезы, пришла Люси. Сочувственно поцокала языком, выставила на стол коробку с пирожными, прижала Тома к необъятной груди и подмигнула Бонни, мол, сваливай, пока гений отвлекся на сладенькое.

Бонни и свалил. Выжатый, как после десяти репетиций подряд. Нет, больше ни за что и никогда!..

В «Зажигалке» он был в половину шестого. На всякий случай. Конечно, мадонна на редкость пунктуальна, но вдруг придет раньше? Да и перед встречей неплохо бы слегка отвлечься от Томового нытья. Съесть что-нибудь. Выпить аспирину. Только за рулем своего «Бугатти» Бонни осознал, что сверлящая гадость в висках – это не только голос Тома, но и обыкновенная головная боль. Чертовски некстати.

Сэндвич, фреш, второй аспирин, привет-привет с Диком – не может же старый пень пропустить представление! Попутно осмотр всех имеющихся в «Зажигалке» дам: ни одна не подходит.

Шесть часов.

Сейчас Роза войдет в дверь. Улыбнется, скажет: привет, Бонни, я пришла к тебе. Он опустится на одно колено, наденет ей кольцо, и жизнь станет окончательно и бесповоротно прекрасна.

На звук открывающейся двери Бонни чуть не подскочил. Во все глаза смотрел – ну, это же ты, мадонна, правда?..

Нет. Монтроз с какой-то из своих юридических девиц. Привет, Бонни, увидимся, и прямой наводкой в дальний зал.

Ладно. Наверное, ее задержали пробки. Она будет с минуты на минуту.

Через полчаса вариант «пробки» сменился на «сломанный ноготь и прочие катастрофы». К без десяти семь больное воображение успело нарисовать крушение самолета, взрыв газа, упавший с крыши кирпич, врезавшееся в фуру такси, нападение бешеных енотов и еще сто и один ужас.

Полная чушь!

Бонни точно знал, что с Мадонной все в порядке. Не может быть иначе! Но, видимо, Том его заразил паникерством и чем-то еще не менее тяжелым и опасным. Потому что Бонни каждую минуту смотрел на часы и едва удерживался от того, чтобы достать смартфон и проверить сводку дорожных происшествий.

И – с трудом отгонял мысль «она не придет, потому что не любит».

Не может такого быть.

Она обещала прийти. Она обещала сказать честно, если вдруг решит, что Бонни ей не нужен. Они оба взрослые люди и могут обойтись без дурацких игр родом из песочницы. Она бы не стала говорить «люблю» только ради того, чтобы посмеяться. Она – не Сирена!

Нет. Розетта обязательно придет. Только бы с ней все было в порядке!..

Без восьми семь. Снова открывается дверь. Это должна быть мадонна, прошу тебя, Езу!..

На этот раз Бонни стоило большого труда не выругаться вслух. Потому что эту женщину он не хотел видеть больше никогда. Ни сегодня, ни завтра, вообще никогда!

– Привет, Бонни!

Мисс Кофи, japona mat`!

Самоконтроля хватило только на вежливый кивок – и отвернуться. Если мисс не совсем дура, свалит сама.

– Кого-то ждешь?

Не свалила. Клеится. Как нарочно – именно сегодня. Кто-то там, наверху, смеется надо мной!

– Жду.

Отвали. Сама. Сейчас же. И не трогай меня! Не напоминай о моей ошибке!

И вдруг:

– Может быть, меня?.. – с такой знакомой нежной, чуть насмешливой интонацией.

Воздух застрял в легких, в животе похолодело, мысли понеслись вскачь: она? Нет, не может быть! Мадонна бы его не оттолкнула, никогда! Или – все же она? Вдруг он не ошибся!..

Взгляд сам собой скользнул по ней в поисках подтверждения – или отрицания, и тут хлопнула входная дверь. Бонни машинально глянул в ту сторону… и облегченно выдохнул. Нет, не ошибся. Это просто совпадение. Потому что вот она, только что зашла в «Зажигалку»: знакомый силуэт, легкая походка, роза в черных волосах… она смотрит – и улыбается, так понимающе… Мадонна? Мадонна! Ты пришла!..

И прошла мимо.

Из-за кофейной дуры? Да к черту дуру!.. Розетта просто хочет поиграть. В случайную встречу. Она же любит – играть. Mia Bella Donna!

– Это не она.

Голос дуры прозвучал, когда Бонни уже забыл о ней и готов был сорваться вслед за мадонной, но тут что-то в нем лопнуло – и долго, долго сдерживаемая пружина напряжения развернулась…

Он высказал мисс Кофи все, что копилось – сегодня, вчера, всю эту гребаную постановку. Пока он говорил, – тихо, ни к чему устраивать скандал на весь клуб, – подспудно думалось: это к лучшему, никаких больше сомнений у него и надежд у нее, порвется, наконец, эта странная и неуместная ниточка между ними. Та, что заставляла его помнить о ее присутствии. Сомневаться и надеяться. Даже сегодня.

Все закончилось. Осталась последняя точка.

– Чтобы я тебя больше не видел.

Достаточно.

Она выпрямилась, словно палку проглотила, сверкнула мокрыми глазами и тоном оскорбленной королевы пообещала свалить в закат навечно. Молодец, девочка. Даже жаль, что нам не по пути, но меня ждет mia bella donna.

И только когда мисс Кофи вскочила и побежала к выходу, а Бонни поднял взгляд, чтобы найти на втором этаже свою мадонну, до него дошло, что именно сказала мисс Кофи. Нет, *как* именно она это сказала…

«Скучная, как поцелуи со вкусом зубной пасты, серость к вам больше не подойдет», – только что. Мисс Кофи.

«Ты же сама хочешь чего-то обыкновенного, как утренние поцелуи со вкусом зубной пасты. Каждое утро», – он сам, мадонне. Месяц тому назад.

Нет. Не может быть. Нет!

Ему показалось, что он на полной скорости вылетел с байка. Дыхание перехватило, сердце замерло и похолодело. Бесконечный миг полета в невесомости, когда понимаешь – сейчас ты умрешь. Больно и неизбежно, как гравитация. Понимаешь, но все равно надеешься: это не на самом деле, это не со мной! Всего лишь сон!.. Старый, почти забытый кошмар: он приходит домой, к Сирене – а ему в лицо кидают раскрывающийся на лету чемодан с его вещами, и холодно сообщают, что он задолбал, что он – пустое место, тряпка и никому не нужен. А на растерянное «я же тебя люблю!» – презрительно морщатся и отвечают, что таких, как он – не любят. Никто. Никогда. Потому что он не мужчина и всегда все портит…

Бонни на миг зажмурился и прикусил губу, чтобы прогнать болезненно-вязкое наваждение.

Сон, всего лишь кошмарный сон. На самом деле вон она, Роза! Ушла на второй этаж, ждет!..

Короткий отчаянный взгляд наверх – нет. Не она. Стоит иначе, плечом поводит иначе. Только полный слепец мог принять ее за мадонну.

Все же – явь. Езу, опять ты смеешься надо мной! Ведь ты не для того поманил меня счастьем, чтобы все отнять! Нет, на этот раз все будет иначе.

Розетта, остановись! Да стой же!..

Но она не слышала. Или слышала – но все равно бежала прочь. И Бонни за ней, из «Зажигалки», по людной улице, сшибая и расталкивая прохожих, не обращая внимания на ругань…

Все настоящее, билось в голове в такт бегу. Я был прав, мисс Кофи и есть Роза. Я не мог ошибиться – даже несмотря на то, что она изменила голос, и говорила совсем иначе, и походка на каблуках не такая, как в кедах, я все равно не мог ошибиться! Когда она пела Клодину Фролло, танцевала со мной, я точно знал: она и есть мадонна. Но я что-то сделал не так. Опять.

Нет, не может быть, чтобы снова – вылет с трассы, невесомость… нет! Роза – не Сирена, она в самом деле любит меня, а я ее обидел… Но я все исправлю!

Mia bella donna, прошу, не убегай!.. Остановись, поговори со мной – и все будет хорошо, я знаю, ты простишь меня!..

Бонни почти ее догнал. Почти. Оставалось каких-то три метра до мелькающей белой футболки и развевающихся рыжевато-русых волос. Перекресток, зажигается красный – вот она, никуда не денется… Надо всего лишь обнять ее, объясниться, и все будет хорошо! Но вдруг – такси, распахнутая дверца, Розетта запрыгивает в машину – и уезжает.

А Бонни остается. Один. Еще ближе к чертову асфальту, и от бесконечного мига в невесомости остается все меньше. Почти ничего.

Нет.

Он успеет. Он найдет ее. Догонит. Попросит прощения и все объяснит. Она обязательно поймет и простит… обязательно!..

Еще бы понимать, куда она поехала. Такси, где это чертово такси? Мгновения утекают сквозь пальцы, но никто не останавливается… а машина с Розой уже скрылась из виду… все кончено? Он не найдет ее?

Чушь.

Найдет.

Наверняка она поехала домой. И к черту такси, он сам на машине. А Кей знает, где она живет. Кей!..

Номер не отвечает.

Japona mat`! Да пропустите же!

Фил? Фил, ответь же! Скорее!.. Санта-Моника, «Азалия»?

Езу, пусть она будет дома. Прошу тебя, Езу!

Чертова «Азалия» спряталась в закоулках, еле нашел. Стоянка пуста, такси нет. Отпустила. Лишь бы не махнула сразу в аэропорт: однажды она уже сбежала из России в Америку, а теперь – из Америки… куда? В Перу? В Румынию? Прошу тебя, Езу. Дай мне шанс все исправить. Всего один шанс.

Какой-то латинос объясняет, где комната мисс Ти. Бонни не дослушивает, бежит – мгновения уходят, как кровь из открытой раны. С каждым шагом. С каждым ударом сердца.

Ее дверь – крайняя… закрыто. Заперто. Постучать. Прислушаться. Она там?

Да. За дверью кто-то есть. Шаги.

Выдохнуть. Уговорить себя не выламывать хлипкую дверь – нужен всего один хороший удар. Нет. Нельзя.

Почему она не открывает? Слышно же – она там.

– Роза! Открой, прошу тебя!..

За дверью замерло. И снова – шаги. Но не к нему.

– Пожалуйста, мадонна!.. Прости! Розетта! Ответь мне! Я люблю тебя, Роза… Ти… дай мне шанс!..

Невесомость. Сердце пропускает удар. Шуршание за дверью. Молчание.

Миг до асфальта – бесконечно короткий.

– Роза… прошу тебя…

В ее комнате – быстрые шаги, шепот. Она не одна? Или говорит по телефону?

Замолкла.

Последний миг тишины и невесомости, больше нет сил верить, что все будет хорошо вопреки очевидному. Мадонна не желает его видеть. Не желает слышать.

И не слышит, как он бьется всем телом о безжалостный асфальт, опускается на колени, упершись лбом в проклятую дверь, и шепчет:

– Ti amo, la vita mia…

Она не отвечает. Ей все равно.

Миг невесомости закончился.

Он снова остался один. Наедине с оглушительной болью и виной. Только на этот раз Кей не поможет. Ни Кей, ни кто-то другой. На этот раз он справится сам. Сейчас. Сам. Он поднимется и пойдет дальше. Через миг. Всего один миг.

За что, Езу?!

Бонни не знал, сколько времени провел между отчаянием и надеждой, прислушиваясь к тишине в комнате Розы и не желая верить, что ее там больше нет. Он снова упустил ее. Не подумал, что в комнате есть еще и окно, а если Роза хочет сбежать – ничто ее не остановит. Упрямая, нежная отрава. Belladonna. Дурман в его крови.

Езу, почему мне снова так больно?

Словно ответом свыше послышался звук открываемой двери и шаги. Тяжелые, медленные. И одышка.

Соседка? Хозяйка пансиона? Надо бы встать. Ни к чему ей видеть Бонни на коленях перед закрытой дверью. И его слезы – тоже ни к чему.

Надо встать. Спокойно, словно ничего не случилось. Его боль никого не касается.

Надо, но нет сил. И по большому счету совершенно все равно, что подумает тетка, застав его здесь. Плевать. Пусть идет себе мимо.

Шаркающие шаги остановились за его спиной. Тетка сочувственно вздохнула. А Бонни зажмурился и сжал кулаки. Какого черта нельзя просто оставить его в покое?!

– Простите, мистер, – тоном матери Терезы сказала тетка. – Ваш друг просил вам передать кое-что. Мистер? С вами все в порядке?

Бонни чуть не рассмеялся (истерика, от Тома заразился?). Голливуд, мать его! Одному придурку на экране оторвало ноги, а второй придурок на экране с искренней заботой спрашивает: «Ты в порядке?» И ждет героического: «Да, со мной все в порядке». Без ног, без рук и без головы. Сумасшедшая страна. Какое, к черту, в порядке! Я сдуру обидел и прогнал любимую девушку, а она – взяла и ушла. Лучше бы я сдох.

– Со мной все в порядке. Благодарю.

Не будем разочаровывать тетку. Голливуд – это проще, чем жизнь. Подняться, сделать морду кирпичом. Нет, лучше улыбку типа «милорд отдыхать изволили, а где и как – черни не касается». Любимый прием Кея, чтобы не лезли в душу в грязных ботинках.

Тетка, похожая на встреченного на пороге латиноса, с явным облегчением выдохнула и показала связку ключей, а до Бонни, наконец, дошло: она сказала про друга, то есть наверняка Кея. Слава тебе, Езу, он и на этот раз не оставил Бонни в одиночку расхлебывать последствия собственных косяков.

– Ваш друг просил вас забрать чемодан мисс Ти, отправить ему в Нью-Йорк и посмотреть сообщения. Ваш телефон выключен.

– Очень любезно с вашей стороны. Позвольте, – Бонни протянул руку за ключами.

Наука Кея в очередной раз помогла. Изображая лорда, куда проще держать себя в руках и не истерить. Очень, просто очень хочется. Душа требует. Порыдать, разбить что-нибудь, поломать мебель и нажраться, чтобы потом снова порыдать в лучших традициях Тома. Можно даже залезть на крышу и устроить концерт на тему «моя жизнь кончена, сейчас прыгну, держите меня семеро». Море внимания, океан жалости и до хера чего похуже обеспечено. Плюс пиар по всей сети, народ обожает слезливо-сопливые истории о разбитом сердце. Стервятники.

Ключи тетка не отдала, но открыла дверь.

Все с той же мордой «милорд снизошли до осмотра владений» и горьким комком в горле Бонни вошел в комнату Розы. Самая обыкновенная комната самого обыкновенного пансиона. Светло, дешево, минимум мебели. Чисто, никакого мусора, словно тут и не жили. Разве что на столе пустая бутылка от минералки, и покрывало на кровати смято.

И на тумбочке у кровати – связка ключей.

Знакомых до перехваченного дыхания ключей.

Спокойно. Ладони расслабить, на губах легкая улыбка. Не хватать ключи, не швырять мебель, не орать проклятия и не делать ничего, что не подобает английской королеве. Спокойно.

Взять чемодан и ключи…

– Их я тоже отошлю в Нью-Йорк, не беспокойтесь. Нет, плату за три недели вперед возвращать не нужно. Всего хорошего.

Выйти из пансиона. Не оглядываясь. Положить чемодан в багажник. Сесть за руль. Под внимательным взглядом хозяйки пансиона выехать со стоянки.

Остановиться у кофейни в двух кварталах. Достать смартфон. Дышать глубоко и медленно, улыбаться. Посмотреть пропущенные вызовы: с шести телефон в режиме «не беспокоить».

Вызов от Фила, три вызова от Кея. Незнакомых номеров нет – Роза не звонила. Глупо было надеяться.

Теперь сообщения: реклама, реклама, подтверждение брони авиабилетов, Монтроз, Дик, снова реклама… последнее – Кей.

«Летим в Нью-Йорк. Остановишься в гостинице, она пока не готова с тобой встречаться. Прилетишь – звони. Надеюсь, за неделю успокоится, и вы поговорите.

P.S. Не вздумай заявляться раньше, если не хочешь потерять ее совсем.

P.P. S. Ну ты и мудак, братишка!»

– От Никеля слышу, – буркнул Бонни, бросая смартфон на второе сиденье.

Ладно. Она с Кеем, так что все в порядке. По крайней мере намного лучше, чем если бы она сбежала в Россию или в Австралию. А с мудаками и прочей хренью разберемся. На этот раз – без косяков.

Глава 3. Завтрак без Тиффани

Нью-Йорк

Роза

Вчера я не то что не разглядела обитель Кея, а толком даже не поняла, квартира это или особняк. Кажется, была подземная стоянка и лифт… или не было лифта? Судя по пейзажу за окном спальни – был. Потому что ни деревьев, ни домов, ничего, кроме выцветшей от солнца голубизны и обрывков облаков. Где-то на уровне подоконника. Сама комната была просторной, светлой, типично американской и какой-то безликой. Несмотря на цветы и что-то из Шагала на стене.

Ванна была примерно такой же. Без цветов и Шагала, но с сине-мраморной джакузи, зеркалами, шкафчиками черного дерева и безумной мягкости и пушистости полотенцами. Тоже синими, под цвет джакузи. И неизменный шелковый халат. Один. Мужской. Угадайте, какого цвета?

Кстати, ни малейших следов присутствия женщины, если не считать горничной. Кей не пускает никого на свою территорию? Или здесь просто тщательно убирают? Надеюсь, второе…

Поймав себя на этой мысли, я зажмурилась и рассмеялась. Вот же ревнивая кошка! Еще шкафчики открой и проверь, не завалялась ли там губная помада! Ох уж мне эти инстинкты!

Разумеется, никаких шкафчиков я открывать не стала. Зато надела халат, на мне больше похожий на изысканный шелковый мешок: подол волочится по полу, рукава чуть не до колен, а в ширину можно обмотаться два раза. Все же их лордство – здоровенный бугай, даром что элегантен аки рояль.

То есть я бы надела и свое, если б оно было. Выйти к завтраку в домашних джинсах, протертых и вытянутых на заднице? Да фигня вопрос! У нас, гениев, стиль такой. Бомж-стайл называется. Очень, очень модно! К нему полагается прическа в духе «я у мамы вместо швабры» и кеды с вентиляцией. Вот только моих стильных шмоток ни в спальне, ни в ванной я не нашла. Надеюсь, Карен не сожгла их в камине, как обычно происходит с платьями всяких золушек. Я, между прочим, люблю свои старые джинсы, они удобные. А если милордам не нравится – пусть не смотрят.

Показав гордому пролетарию в зеркале язык и пообещав в качестве этапа классовой борьбы устроить себе завтрак в джакузи, я встряхнула мокрыми волосами (ненавижу пользоваться феном!) и покинула ванную, больше похожую на бассейную.

Кея в спальне не было. Впрочем, никого другого тоже. Зато постель уже застелили, и комната приобрела совершенно нежилой вид. Даже странно. На яхте такого впечатления не было, может быть, Кей совсем редко бывает в Нью-Йорке…

Решив подумать об этом потом, я пошла на запах кофе – то есть к открытой двери.

За ней обнаружился холл. Здоровенный, на два этажа, все в том же типично-американском стиле. Спальня оказалась на втором этаже, на галерее – еще несколько дверей, лестница вниз, и внизу – ковер, камин, рояль… Ох, мамо. И занесло же меня в дольче виту!

Решив ознакомиться с топографией дольче виты потом, после завтрака, я последовала за запахом кофе и не ошиблась. Очередная дверь оказалась открыта, а за ней… за ней было небо. Я замерла на пороге, завороженно глядя на проплывающие мимо облака. Наверное, я могла бы простоять так целый час, воображая себя парящей птицей и почти чувствуя ветер крыльями, но совсем уж замечтаться не позволил Кей. Мой чуткий и заботливый лорд позвал: иди завтракать, моя Роза.

Помнится, я хотела сказки? Вот она, настоящая сказка. Всего лишь небольшая стеклянная терраса на сотом этаже манхэттенского небоскреба, солнце и бесконечная синь – вверху

небесная, внизу морская. И скромный завтрак на двоих, прямо над обрывом немыслимой высоты.

Нет, я понимала, что стекло надежно. Что я могу наступить на едва отблескивающую поверхность цвета неба, совершенно не похожую на пол. Честно, не знаю, как получился такой эффект, но ощущение было – словно я иду по воздуху, а серебряный кофейник, чашки и тарелки зависли в хрупком равновесии невесомости. И кресло из тонких гнутых трубок, на котором сидит Кей (одетый в одни только домашние шелковые брюки, босиком) не стоит на твердой поверхности, а парит, поддерживаемое лишь ветром. Второе блестит рядом, готовое подлететь ко мне, словно фантастический мини-шаттл…

– С ума сойти.

Глубоко вздохнув, я сделала шаг. Потом второй. Хорошо, что я босиком – не так страшно поскользнуться и упасть в голубую бездну.

– Смелее, – подмигнул Кей, встал мне навстречу и протянул руку. – Ты уже неплохо учишься летать.

О да. Я отлично училась летать. С каждым шагом все лучше. Пятый дался мне и вовсе легко – голова перестала кружиться, стало легко и звонко, каждая клеточка тела пела и наслаждалась своим коротким существованием. Почти оргазм. И, коснувшись пальцев Кея, я засмеялась. Мне самой хотелось петь и танцевать, я готова была оторваться от стоэтажного насеста и взлететь в небо, к солнцу, оставить дома и облака далеко внизу…Я не заметила, как прошла еще несколько шагов до окна. Меня снова остановил Кей, положив руки мне на плечи. Несколько секунд мы – одни во всей бесконечной вселенной, близко-близко друг к другу – смотрели на небо и океан, на крохотные кораблики и тянущиеся к солнцу ростки домов, на росчерки самолетов и лоскуты облаков. Я заново училась дышать – воздухом свободы.

– Это прекрасно, – шепнула я, когда его губы легко коснулись моего виска. – Кажется, теперь я знаю тебя чуточку лучше, милорд Адреналин.

– Когда ты говоришь «милорд», я начинаю находить в своем происхождении некоторые плюсы. Я надеялся, что тебе понравится.

– Что я не упаду в обморок и не убегу с криками ужаса? – я потерлась о его руку щекой. – Тогда тебе надо было приводить сюда парашютистку. Или альпинистку.

– Нет. Это было бы скучно.

– Ты не любишь спортсменок?

– Если для них спорт – самое важное, то нет. Впрочем, то же самое относится к музыкантам, дизайнерам, врачам, владельцам клубов и агрономам… Ко всем, кто видит во мне только бизнесмена или лорда, или… ну, ты поняла.

– Кажется, да. Это все бракованное сердце?

– Оно самое. Знаешь, когда-то мне сказали, что я мог бы быть великим артистом. Поначалу я думал, он шутит. Я – и вдруг артист? Я для этого слишком холоден. Чувства, страсти, безумные порывы и я где-то на разных полюсах. Нет ничего, что заставило бы меня плакать или сходить с ума от счастья. Я правда в это верил. Глупо, да?

– Надо же, кто-то сумел обмануть Никеля Бессердечного. Наверное, это был ты. Не знаю никого более убедительного.

Он тихо засмеялся, прижал меня к себе чуть теснее.

– Ты понимаешь. А до меня дошло далеко не сразу, что Никель – всего лишь роль. Первая звездная роль. Но любая роль рано или поздно становится тесна, и если не понять этого вовремя…

– Можно свалить в Румынию на первом попавшемся самолете.

– Да. Ты меня понимаешь. – Он поцеловал меня в висок. – Редко встречаются люди, способные видеть человека за ролью. Это неудобно. Затратно. Да просто непонятно, зачем нужно. Невежливо, в конце концов, – в его голосе звучала горечь, руки на моих плечах напряглись. –

Нас с детства приучают пользоваться вилкой, говорить «здравствуйте» и делать вид, что ритуалы – самое важное на свете. И мы в это верим. Я верил. И боялся летать. Когда остаешься один на один с самим собой и небом, не перед кем играть роль. Нет партнеров для ритуалов. И ты понимаешь, что вокруг пустота, и в тебе внутри тоже пустота. Ничего, кроме манер, чужих целей, общественного мнения и прочей дряни. Что ты на самом деле один, и твоя жизнь будет так же пуста всегда, сколько бы таких же как ты манекенов не спросили «как дела».

Я понимала, да. Намного лучше, чем мне бы хотелось.

– Где-то тут должен быть Люк Бессон с камерой, – хмыкнула я; мое чутье на композицию подсказало, что пора разбавлять пафос момента и менять тему. Меня сегодня не слишком тянет на самоанализ. То ли вчера был перебор, то ли утренний секс помог мне познать дзен. – Ты не продаешь ему монологи?

– Не-а. Я ж меценат, а не писатель, как некоторые.

Видимо, его чутье на композицию подсказало то же самое: проникновенность сменилась легким привкусом самоиронии. О да. Кое-кто прав, Кей – прекрасный артист, на экране ему бы цены не было. Еще бы понять, почему меня сейчас напрягает его откровенность… даже не откровенность, а идеальность. На самой-самой грани «не верю».

Ладно, я тоже умею быть пронзительно-искренней, и если тебе сейчас нужно именно это, мне не жалко.

– А мне нравятся некоторые ритуалы. Например, летать с тобой. Кей… – я обернулась к нему, заглянула в глаза. Он, как и нужно по мизансцене, не выпустил меня из объятий. А я говорила правду и только правду. Это на самом деле просто, говорить правду кому-то, намного сложнее сказать ее себе. – Я хочу быть ближе к тебе… у тебя сейчас глаза цвета неба.

– Летать вместе – намного лучше, чем одному, – грустно улыбнулся Кей. Глаза у него и в самом деле отливали синевой, и где-то в самой-самой глубине пряталось… сомнение? Настороженность? Или же Никель Бессердечный, всегда получающий, что хочет? Черт. Или у меня паранойя, или… паранойя не у меня.

Точно.

Лисий охотник опять меня заманивает. Или приручает. Что там любят лисы редкого вида «чокнутый писатель»? Да-да. Искренность, лучик света в потемки чужой души и волшебный запах тайны. Люблю. Очень. Но не хочу идти туда, куда ты меня сейчас заманиваешь.

Там опять будет нервно, неуютно и больно. А мне так нужно немного покоя и безопасности!

– Кто-то был прав. Ты изумительный артист. – Я провела ладонью по его щеке, привстала на цыпочки, но все равно не дотянулась до его губ. – Ты поцелуешь меня, наконец?

Он меня поцеловал. Сумасшедше нежно, так что снова колени подогнулись. Новый, незабываемый опыт – целоваться, стоя на облаках над Нью-Йорком.

Никель, Никель…

Я не хочу сейчас думать о подвохе. Ты слишком хорош. Ты просто невероятно хорош. Давай просто позавтракаем, не упоминая о Бонни? Пожалуйста.

– Ты же знаешь, чего я сейчас хочу, Кей?

– Того, что так вкусно пахнет?

Уткнувшись ему в плечо, я благодарно шепнула:

– Я ужасно проголодалась!

Завтракали мы молча – не потому что лень было трепаться о погоде, а потому уже живот подводило. Приятное пробуждение сожгло изрядно калорий, да и вчера мне было как-то не до ужина. Да ни до чего мне вчера было! И так весь полет до Нью-Йорка еле держалась, чтобы не плакать.

Вспоминать вчерашнее бегство из ЛА мне не хотелось, но не вспоминать – не получалось. Обида на Бонни жгла, поднималась к горлу слезами, а под понимающим взглядом Кея и вовсе

становилось худо – я же могла послушать его совета, надеть платье, побрызгаться лемонграссом. И ничего не сделала. Влюбленные девушки не ходят на свидание в вытянутых джинсах и туристической майке за доллар.

Но Бонни… кто ему дал право на меня орать? Я ничего плохого ему не сделала! И вовсе я ему не навязывалась…

Черт. Не хочу об этом думать. Ни сейчас, ни потом. Вообще никогда! Мне надо роман дописывать, сроки горят, Фил ждет рукопись через десять дней! А там, в романе, снова Бонни. Мне срочно, немедленно нужна порция дзена!

– Роуз, ты так на меня смотришь, словно у тебя в руках скальпель, – усмехнулся Кей, когда мы допивали кофе. – Мне пора начинать бояться?

Опять тепло, нежность и забота. Так трудно поверить, что это – просто так, а не потому, что ему что-то от меня нужно. Трудно, но надо. Потому что я хочу немного счастья, а быть счастливой, подозревая подвох на каждом шагу, невозможно.

Все. Хватит сожалений, обид и прочей чуши. Кей – самый лучший на свете мужчина. Мой мужчина. Заботится, поддерживает. Любит.

Он сам сказал. Сегодня утром. Я помню.

– Ну что ты, я совершенно не опасна, – улыбнувшись, я похлопала глазами, одновременно вертя в руке столовый нож а-ля миссис Смит.

И сама себе поверила – что все хорошо. Все же Кей умеет согреть. И не только согреть.

– А я, как назло, без бронежилета… – он смотрел на меня так тепло, что последние остатки дурацкой обиды растаяли. Мир снова стал светлым и прекрасным, а моя улыбка – искренней.

– Клоун.

– Чш! Не пали контору! – Кей с хулиганским видом прижал палец к губам.

– Ты… – я рассмеялась, качая головой. Смешной. Прекрасный. Откровенный и полный загадок. Сексуальный и нежный. Невероятный. – Киммерийский варвар.

– Мне нравится, когда ты смеешься. У тебя ямочки, – он тронул пальцем мою щеку, – вот тут.

Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза. Сейчас Никель Бессердечный не прятался на дне глаз, и Кей не играл «правильную» роль. Он просто смотрел на меня, и я верила – он меня понимает. И не обидит. Пусть у нас будет сказка без тайной комнаты и отравленных яблок! Да, я помню, что обещала ему сегодня утром, и помню шквал эмоций – совсем не похоже на холодно-сдержанного аристократа.

Помню, и если он попросит – сделаю. Позвоню Бонни. В конце концов, иногда стоит засунуть свою обиду в дальний карман и поступить так, как нужно.

– Если тебе это так важно…

Но он покачал головой.

– Я не буду тебя просить делать то, чего ты не хочешь, Роуз. Ты взрослая девочка и сама решаешь, кто тебе нужен. Кто, как и когда. Если тебе нужно подумать и разобраться в себе, думай и разбирайся.

То есть не будет? То есть – думай?.. А где же Никель Бессердечный, всегда получающий то, что хочет?

И прекрасно меня читающий. Как открытую книгу.

– Я хочу вас обоих, Роуз. Но только так и тогда, как этого захочешь ты сама. Никакого долга перед Отечеством, только свободный выбор. – Кей подался ко мне, накрыл мою руку своей и без улыбки добавил: – Никаких решений за тебя не будет, Роуз. Я обещал научить тебя летать, а не посадить в уютную клетку. Но если ты захочешь что-то мне рассказать или о чем-то спросить, я всегда рядом.

– Да. Я хочу спросить, Кей, – я тоже подалась к нему. – Если я не захочу никогда?

– Значит, вы с Бонни не будете встречаться.

– Мы не будем, а вы – будете.

Я не спрашивала, я констатировала факт. И не ждала ответа. Но Кей улыбнулся самоуверенной улыбкой Никеля Просветленного и легко сжал мои пальцы:

– Ты передумаешь, Роуз.

Это прозвучало как «ты звала его сегодня, позовешь и завтра». Или как «ты все равно любишь его и никуда не денешься». Или как «я лучше знаю».

– Может быть, – пожала плечами я. – Но не сегодня.

И не завтра. И не послезавтра. Может быть, никогда. И мне плевать, что я веду себя, как обиженная дура. Ты обещал, что я решу сама – я и решу сама.

– Я подожду. – Он поцеловал мне пальцы. – Моя прекрасная колючка. Поужинаем на заливе?

– Хорошо. Но не слишком рано, мне сегодня писать главу.

– Машина будет к восьми, Керри поможет тебе с платьем.

Он так и не выпустил мою руку из своей, и мне не хотелось, чтобы выпускал. Кажется, я все же извращенка: мне нравится Никель Бессердечный. Его самоуверенность, лоск, несмотря на отсутствие рубашки, аристократические манеры, и что-то такое неуловимое, как обещание счастья. Вместе.

– Да, милорд. Я буду готова к восьми.

Глава 4. Бонни и Клайд

Десять лет назад, где-то в Восточной Европе

Бонни

Ничего так была драка. Вдвоем против пяти гребаных аборигенов, гребаного бармена и всего гребаного мира. А ведь он собирался подраться всего лишь с одним сумасшедшим англичанином! Везение, мать его!

Под Бонни рычал байк, мелькали желтеющие сады, разноцветные лоскуты полей и указатели на незнакомые города с непроизносимыми названиями. То ли Польша, то ли Чехия, а то и вовсе Черногория – хрен их разберет, да и какая разница! Ребра болели, разбитые костяшки ныли, левый глаз залило кровью из рассеченной брови.

Он все еще жив, мать же вашу.

Жив, абсолютно свободен и счастлив, дьявол бы драл эту гребаную Европу и эту гребаную свободу!

Еще газу, байк почти взлетает, плавный поворот – почти касаясь асфальта локтем, не успевая даже показать фак охреневшему дальнобойщику на фуре… Перед глазами мелькает бетон, визжат покрышки – и ему снова везет. Байк летит по узкой трассе, мелькает указатель: «До Чертовой Задницы три километра».

Сумасшедший англичанин все так же держится на два корпуса позади. Как привязанный.

Гонщик, мать его. Упрямый дебил. Кой черт занес его в эту задницу мира?

Неважно.

Они оторвались от придурковатых аборигенов, и ладно. Еще одна ночь, еще один день. Или два. Или несколько. Дальше заглядывать нет смысла.

Бонни затормозил перед магазинчиком, первым на въезде в город, а то и единственным. Городишко, почти деревня. Такая же, как на родной Сицилии: полсотни домов, церковь, школа, забегаловка, воскресный рынок, скобяная лавка… Все они одинаковые.

Сняв шлем, Бонни обернулся к англичанину. Тот припарковался рядом, тоже снял шлем, вынул ключи зажигания.

Крупный. Породистый. Выглядит в глухомани, как рыба на дереве. Ему бы пиджак от Хьюго Босса, маникюр, дымчатые очки – и на Уолл-стрит. Или смокинг – и на прием к английской королеве. Даже причесывать не придется, стильная короткая стрижка еще не успела потерять форму. Только подлечить разбитую губу, замазать ссадину на скуле и отмыть. Впрочем, дерется неплохо. Иначе бы черта с два они накостыляли местным и сумели удрать.

Англичанин невозмутимо сунул перчатки в карман мешковатых, заляпанных грязью джинсов, так же невозмутимо кивнул Бонни и потопал к дверям магазина. Со спины он выглядел все той же рыбой на дереве: осанка и походка – лорд лордом, одежка – маргинал маргиналом.

Забавный типчик.

Дешевое пиво (другого тут и не было) англичанин покупал на последнюю мелочь, но с видом принца Монако инкогнито. У него отлично получалось делать вид, что жрать вовсе не хочется. И что синяки и ссадины продавщице, блеклой тетке лет за сорок, примерещились.

«Благодарю вас, мисс», – уверенным, сильным баритоном было первым, что Бонни услышал от англичанина. Там, в баре, он брал виски (который так и не успел выпить) молча, бычился на Бонни молча, и дрался с местными тоже молча. Междометия не считаются.

Тетка от его голоса растеклась и заулыбалась. Тут бы самое время позвать ее на сеновал – с пивом и кормежкой за ее счет, ясное дело. Но англичанину было западло. Или еще не настолько проголодался.

Бонни наблюдал с порога. У него еще кое-что оставалось в кармане, но тратить последние полторы сотни леев (около тридцати баксов) на жрачку было глупо. Пустой бак это вам не пустое брюхо, байк сам по себе не поедет.

Забрав пиво и проигнорировав томную улыбку тетки, англичанин вернулся к дверям, молча протянул Бонни открытую бутылку. Глянул изучающе, без улыбки.

Глаза у него оказались серые и холодные.

Бонни кивнул и отхлебнул горького пива, больше похожего на козью мочу.

Вышел, прислонился к стене около байков. Допил свою бутылку и аккуратно поставил тут же, у стены. Кинул косой взгляд на англичанина – тот пил небольшими глотками, глядя куда-то поверх крыш. Все с той же мороженой мордой.

Если б они только что не дрались с местными спина к спине, Бонни бы не удержался, вмазал ему. Или послал домой, к мамочке. Чисто чтобы расшевелить. А так… Черт с ним, с примороженным. Сам нарвется в следующем же баре. Слишком красивый и породистый, торчит и давит местным на психику. Долго не протянет.

Самым логичным было бы сейчас просто свалить. Молча. Доехать до заправки, залить бак на все гроши, хватит еще на денек, а дальше… дальше заглядывать нет смысла.

Собственно, Бонни именно так и поступил. Сел на свой байк, сунул ключ, повернул… и, не надев шлем, обернулся к англичанину.

– Эй, Британия. Ходу.

Тот мгновение промедлил со своей недопитой бутылкой, усмехнулся одной (целой) половиной рта и в один глоток допил пиво. Бутылку так же аккуратно поставил у стены. Оседлал байк. И все это – без единого слова. Да и ухмылялся так, словно у него мышцы лица парализованы. Или атрофированы. В общем, лет двести не практиковал такой чуши.

Примороженный.

И черт с ним! Свалился на мою голову. Последние бабки на него тратить!

Заправка была тут же, напротив. Затормозив, Бонни глянул на приборную панель чужой «Хонды» – мощной, но изрядно побитой. Стрелка топлива показывала «капец». Полкилометра, и приехали.

Бонни готов был ставить собственный «Харлей» против пустой бутылки из-под местной дряни, что англичанин слова не скажет на тему «поделись, приятель». Он и слова-то такого, «приятель», не знает.

Расставаться с Харлеем не пришлось. Пока Бонни ходил к кассе, белобрысый стоял неподалеку, сняв шлем и опять глазея в небо.

Придурок.

– Чего стоишь, Британия! Сюда, – ткнув пальцем во вторую колонку, Бонни отвернулся к своей и занялся шлангом.

Бензина на пятнадцать баксов – кот наплакал. Завтра надо добыть еще бабла. Не только на бензин, но думать об этом сейчас неохота. Вообще думать неохота, дурное это дело. Когда думаешь – вспоминаешь Сирену, Лос-Анджелес, свой дом… Тетушка Джулия, небось, каждое воскресенье ходит в церковь молиться за непутевого мальчишку.

Другая жизнь. Чертова пустая, никчемная жизнь. Вкалываешь, как проклятый, выворачиваешься наизнанку ради славы и бабла, а в итоге – никому ты на хер не нужен, не так сидишь, не так свистишь, и сам – черт знает что, а не мужчина.

На хер.

Да. Смотреть на небо – лучше. Крышку бака только не забыть закрыть. И найти уже, наконец, какую-нибудь крышу на ночь. Хорошо бы сарай для сена, тучи дождевые.

– Спасибо, Италия, – прозвучало позади, да так изысканно-вежливо, словно вокруг не задница мира, а Букингемский дворец.

– Сицилия, – буркнул Бонни и обернулся.

Англичанин сидел на байке, держа шлем в руке, и пырился на него. Если б не метр льда на физиономии, было бы похоже на любопытство. И гримаса вполне могла бы сойти за улыбку. Ладно. Сойдет за улыбку.

– Будем знакомы. Бонни.

– Клайд.

Вау. С ума сойти. Английская треска умеет шутить!

– Не-а, не похож. Слишком приличный.

– О`кей, – пожал плечами англичанин и замолк.

Вот треска мороженая! В самое, твою мать, сердце замороженная жертва Снежной королевы.

– Кей? Годится, – хмыкнул Бонни. – Ледяной, мать твою, принц Кей. Пошли уже, скоро польет.

Кей улыбнулся. Снова одной стороной рта, но уже гораздо, гораздо убедительнее.

Там же и тогда же

Ирвин Говард

В городишке на краю света нашлась аптека, и в ней – салициловый спирт за двадцать местных грошей. Последних грошей.

Совершенно нереальное ощущение: у него нет денег, чтобы купить еды или обратиться к врачу. Зато есть ужасный байк, семнадцать литров бензина, разбитая губа, свобода и ненормальный итальяшка, поделившийся последними деньгами. И спирт. Очень нужная штука. Было бы глупо умереть от заражения крови после дурацкой драки в придорожной забегаловке.

А, да. Еще у него есть новое имя.

Кей.

Лучше, чем Клайд. Намного лучше, чем лорд Ирвин Роберт Говард. Сойдет.

Ненормальный итальяшка с дурацким именем Бонни привез его на какую-то ферму, профессионально вскрыл замок сарая гнутой железкой и кивнул на сено.

– Располагайся, ледяной принц. Царское ложе! И не капает.

– Отличное местечко, – кивнул Ирвин и достал из кармана пузырек со спиртом и упаковку бинта, украденного со стойки у аптечной кассы, потому что на него уже мелочи не хватило. – Давай твою бровь.

Независимо пожав плечами, итальяшка поставил байк у стенки и уселся рядом на сене.

Вид у него был – хоть сейчас на плакат «их разыскивает Интерпол». Тонкий, жилистый, носатый, одет в засаленную джинсу и потертую кожу, под мотоциклетным шлемом бадана, на роже – ненависть ко всему миру, а для пущей красоты – размазанные кровавые разводы. Когда итальяшка впервые открыл рот, Ирвин ожидал услышать мат-перемат пополам с дебильными шуточками. Но ошибся. Нормальная речь, американский диалект с итальянским акцентом, на «Бонни и Клайда» отреагировал адекватно. Андерсена читал. При этом дерется спокойно и эффективно, как опытный боец, без капли показухи или глупого благородства. И нарывается так же: взгляд, презрительное движение плечом – и Ирвин уже готов с ним сцепиться.

Странный парень.

Пожалуй, если бы не местные, ночевать им обоим в полицейском участке, а то и в больнице.

Вдогонку странностям: байк. Не «Драккар», конечно, но «Харлей» в сотню лошадок. Оборванцу не по карману.

Хотя, нищим маргиналом итальяшка мог показаться только на первый взгляд. Двигается слишком уверенно, мягко и красиво. Говорит грамотно, саркастично. Взгляд умный и острый.

Любопытно, кто он. Не похож на обычных современных кочевников еще и тем, что одиночка – кочевники живут стаями.

Когда Ирвин протирал спиртом его рассеченную бровь, итальяшка только сжимал зубы, даже не шипел. А Ирвин снова убедился, что маргиналом-кочевником тут и не пахнет. Волосы густые и блестящие, кожа чистая, зубы идеальные. Плечи под майкой с черепами и татуированные руки – скульптурной формы. Да и лицо… необычное лицо. На первый взгляд едва ли не урод, но на второй и на третий – есть в нем что-то от породистого коня. Гордость, упрямство, нерв. Очень, очень странный парень.

Обращаться со спиртом и бинтом он тоже умел. Обработал Ирвину разбитые костяшки (зря снял перчатки при входе в бар, зря!) и перебинтовал. А потом нашел в сене какую-то траву, пережевал, вложил в кусок бинта и велел держать у разбитой губы.

– Быстрее заживет, bello.

Спорить Ирвин не стал, глупо это. И спрашивать, куда на ночь глядя намылился итальяшка без байка – тоже. Может, коней воровать, а может – фермершу трахать. Мелькнула мысль: а может, убивать, насиловать и грабить. Было бы забавно вот так влипнуть в детектив. Забавно, но нереально. Сбежать или сдать парня в полицию не хотелось, никакого холодка по спине и прочих признаков подвоха не чувствовалось – а своему чутью Ирвин доверял. Всегда. И ни разу не ошибся.

А, катись оно все. Спать охота. И есть. Надо завтра найти автомастерскую, что ли. В железе-то он разбирается едва ли не лучше, чем в финансах, так что работа будет.

Он почти уснул к тому моменту, как скрипнула дверца в амбарных воротах, впустив в сарай полосу лунного свет, и прозвучало тихое:

– Эй, Британия!

– М-м?

Прикрыв дверь, итальяшка щелкнул зажигалкой, высветив резкое, расчерченное тенями лицо. К летнему сенному запаху тут же добавился еще один, дымно-сладковатый. Послышался довольный вздох.

– Где ты там, Британия… – в темном проходе между кипами сена зашуршали шаги. – Жрачка есть.

Придурок. Сено, байки и косячок! С него станется влезть наверх, чтобы уж наверняка устроить пожар.

– Здесь я, – неохотно покинув нагретое место, Ирвин скатился вниз. Отряхнулся. – Надеюсь, не сырая собака.

– Мечтай. – Итальяшка хрюкнул. – Яйца есть. Сырые.

Смутно-темная тень, подсвеченная тлеющим косячком, протянула ему нечто теплое, гладкое, пахнущее… неописуемо пахнущее. Видимо, живыми курами. Или гусями. Когда-то в детстве мать настаивала, чтобы Ирвин пил сырые яйца. Это было очень полезно для здоровья. Зачем полезно, почему полезно, какой идиот придумал, что полезно – не имело значения. Раз леди Говард сказала, значит, он должен был их пить. Отвратительные, склизкие, вонючие яйца. Два года подряд, пока ей не пришло в голову, что гораздо полезнее для здоровья пить сельдерейный сок, капустный сок, морковный и брюквенный сок… По счастью, пытка соками закончилась довольно быстро: Ирвина отдали в закрытую школу для мальчиков, и там на завтрак была просто овсянка. Тоже очень полезная, но хотя бы съедобная.

Помянув тихим незлым словом матушкину заботу, Ирвин протер яйцо рукавом (хотя стоило бы спиртом!) и надколол. Есть хотелось так, что не пришлось даже жмуриться, глотая белковую слизь. Зато стоило ей коснуться пищевода, как живот скрутило голодным спазмом.

Надо было соглашаться на двадцать евро в день. Отличная зарплата для придурка без рабочей визы, страховки и прочих бумажек.

Ирвин едва сдержался, чтобы не рассмеяться: вот оно, везение! Сбежать в Румынию за неделю до окончания медстраховки! А о рабочих визах он никогда и не задумывался. Зачем эта ерунда исполнительному директору маркетингового департамента? Дура-ак…

Второе яйцо пошло веселее и даже не показалось гадким. Очень даже вкусное яйцо, и запах такой, что хочется эту курицу ощипать, пожарить и съесть. Впрочем, можно пожарить, не ощипывая, в глине. Как в скаутском лагере.

После второго яйца ему протянули косячок.

– Не увлекайся, Британия. А то поведет с непривычки.

Затяжка, третье яйцо, еще затяжка, четвертое… вскоре странный итальянец уже был отличным парнем, яйца – пищей богов, сенной сарай – королевской спальней, а мир – прекрасным и удивительным. Хотя немного смешным.

Синий лунный свет погас, по крыше забарабанил дождь, в сарае похолодало, но отличный парень Бонни принес то ли мешок, то ли попону, в которую они очень удобно завернулись, вырыв ямку в сене.

В ту ночь Ирвину впервые не снились графики, курсы, показатели и отеческие наставления о долге настоящего лорда. Ему ничего не снилось, и это было прекрасно.

Глава 5. Еще одна комната Синей Бороды

Нью-Йорк

Роза

Поставив точку в конце главы, я глянула на часы: без пяти шесть. Что ж, я молодец, уложилась. Конечно же, не без помощи Керри – воплощенного милосердия. Она принесла мне обед прямо на террасу, где я обложилась подушками и писала, писала, писала… Она же помогла заказать платье и вызвала стилиста к семи часам. Милая, прекрасная Керри! Ей невероятно шли синее платье, белоснежный фартук и кружевная наколка на собранных в узел темных, с проседью, волосах. Хоть сейчас в Голливуд, на роль Примерной Английской Прислуги. Правда, несмотря на немного лошадиную, типично английскую внешность, произношение у нее было американское. Если ничего не путаю – местное.

Я чувствовала, что ее поедом ест любопытство, но приставать с расспросами она не может себе позволить. Все же не какая-то там приходящая няня или горничная, а домоправительница целого лорда и миллиардера! Пусть и только одного из его домов.

Зато я могла ей кое-что рассказать, просто так, без расспросов. Помня, что панибратство с прислугой – дело дурное, я не стала сразу же распивать с ней чаи и расспрашивать о детях и кошках. Для начала попросила показать мне дом и объяснить, где и что. Заодно поделилась, что я из России, писательница, сейчас заканчиваю новый роман и очень рассчитываю на ее помощь, ведь в Нью-Йорке ориентируюсь плохо.

– Вы одна на всю эту огромную квартиру?

– Нет, мисс. С милордом ездит камердинер, Маккензи. Сегодня днем он привез багаж милорда и ваш, все уже в гардеробной около вашей спальни. Еще есть помощница, она приходит для уборки каждое утро. Готовлю я сама, но милорд почти никогда не обедает и не ужинает дома.

Керри восхитилась моему английскому, провела по квартире – тут даже бассейн нашелся, скромненький такой, пять на двадцать, и тренажерный зал рядом – и познакомила с Маккензи. Милейший полноватый дядечка лет под пятьдесят, с примесью восточной крови, невозмутимый как индийский йог. Он был на кухне, заваривал себе чай. Разумеется, мне тоже предложили – но не на кухне, а принести в столовую.

В столовую, Карл! Дольче вита, Букингемский дворец.

Я отказалась, и мы продолжили обход владений – два последних этажа небоскреба, метров пятьсот, не меньше. Зачем одному Кею столько? В гольф играть? Тем более что, если верить Керри, он живет в Нью-Йорке не больше трех месяцев в году, еще у него дом в Лондоне и квартира в Стокгольме, но нигде он не задерживается надолго.

– Милорд очень много работает, – в голосе Керри слышалась неподдельная гордость. – Показать вам его кабинет?

– Конечно! – я постаралась не показать удивления: Кобылевский никогда и никого в свой кабинет не пускал. Даже пыль с рояля вытирал сам. Даже пылесосил сам! Даже мама не могла зайти в святая святых, пока сыночка не было дома, не говоря уж о том, когда был и работал.

В отличие от спальни и большинства комнат, кабинет выглядел вполне обжитым, хотя и не особо уютным. Хай-тек, окно от пола до потолка (как и везде), минимум мебели и максимум пространства, ни одной бумаги на столе. Впрочем, зачем Кею хранить дома бумаги, если у него есть комп? Я, к примеру, никогда не пишу на бумаге. Не могу. И почерк плохой, и буквы путаю, и текст не складывается. Когда дело касается бумаги, я становлюсь безграмотной клушей, увы и ах. Мой максимум – поставить кривую подпись на документе. Ну ладно, заполнить анкету.

Кроме монитора и клавиатуры на столе почти ничего не было. Фоторамка, орхидея в стеклянном горшочке, большая витая раковина и детская машинка. Странноватый набор.

Само собой, меня одолело любопытство: кто там, на фото? Родители? Подруга – несостоявшаяся невеста? Ктулху с цветочком на ухе?

Не угадала. На фотке были Кей, Бонни, Кирстен Лундгрен, какой-то незнакомый мужчина и мальчишка лет пяти, похожий разом и на Кирстен, и на незнакомца. Ее погибший муж, наверное. Компанию засняли на барбекю, судя по бледному небу, соснам и толстым свитерам, где-то на севере. Кирстен обнимал за плечи ее муж, мальчишка устроился на руках у Кея, а Бонни досталась собака – улыбчивый ирландский сеттер. Идиллия.

Я тоже хочу так. Чтобы барбекю, небо, все счастливы. Последний раз что-то подобное со мной случалось в девятом классе, в конце апреля. Мои родители еще были живы, жизнь прекрасна и полна удивительных открытий, и даже Тошкина «голубизна» меня в тот день совершенно не волновала.

И сейчас не волнует.

А вот то, что я ему не позвонила – уже плохо. Наверняка он сам мне звонил раз десять, узнать, куда я запропастилась. Только телефон-то выключен. Как вчера в аэропорту отключила (после десятого, как минимум, звонка от Бонни), так и не включала.

Дурище! Надо срочно найти телефон и позвонить Тошке! И Манюне позвонить, у нее сейчас поздний вечер, может быть, еще не спит.

– Спасибо, Керри! – я улыбнулась горничной как можно теплее. – Вы же показали мне все интересное, не так ли?

Горничная покачала головой:

– Не все. Вам нужно знать о системе безопасности. Все видеоданные выводятся на этот монитор и на монитор в моей комнате, сегодня вечером будет установлен такой же в вашей спальне. Данные из холла, кухни и от окон поступают к охране дома. Вы в любой момент можете посмотреть…

Ну конечно, Никель и паранойя, как я могла забыть!

Система была вполне себе параноидальной, с видеокамерами во всех комнатах, датчиками дыма и движения, записью звука. Если вдуматься, то с этой системой квартира Кея очень походила на аквариум. Наверняка и кровать, на которой мы сегодня проснулись, просматривается камерами.

– Доступ по отпечатку пальца. Если не возражаете… – Керри набрала какой-то код на клавиатуре и показала мне, куда приложить палец. – Теперь вы можете просматривать записи за последний месяц и данные в реальном времени.

А еще Керри наверняка имеет черный пояс по карате и звание капрала морской пехоты в запасе. Прелестно! Почувствуй себя персонажем голливудского боевичка!

И оцени доверие Кея.

Ладно, ценю. Очень. Честное слово!

– Очень удобно, – кивнула я. – Еще приятные сюрпризы будут?

Керри едва заметно пожала плечами.

– Милорд просил предупредить, что заглядывать в комнату рядом с террасой вам не стоит, если желаете сохранить душевный покой.

Прелестно. Судя по ее тону – именно этими словами и сказал. Тролль зеленый! А Керри молодец, провела меня мимо и заговорила зубы так, что я про ту комнату и забыла. Профи! Пожалуй, не морская пехота, а сразу внешняя разведка. Сорок лет выслуги.

– Там хранятся архивы ФБР о контактах с марсианами?

– Вряд ли мистер Джеральд увлекается подобным чтением, – очень серьезным тоном, но со смешинкой в глазах, ответила Керри.

Точно. Комната Синей Бороды. Она же спальня Бонни. Вот я мастер не думать о том, о чем не хочется! Даже в голову не пришло, что если Бонни регулярно бывает в Нью-Йорке,

ему логично останавливаться у Кея. Кстати, когда Кей в ЛА – он живет у Бонни? Запросто же. Кстати, спальню Кея мне тоже не показали, а та, где мы ночевали – явно гостевая.

М-да.

– Спасибо за предупреждение, Керри. Будьте добры, сделайте мне морковный фреш с капелькой сливок.

– Хорошо, мисс Ти. Стилист будет через полчаса, помочь вам одеться?

– Конечно. Благодарю вас.

Еще немножко, я и сама начну разговаривать голосом Дживса из сериала. Похоже, это любимый фильм Керри. Или что там еще есть о Настоящей Английской Прислуге? Ладно, не суть. Моему душевному равновесию после пяти часов работы над романом уже ничего не страшно. Сил на эмоции просто не осталось. Да и Бонни для меня сейчас – скорее персонаж, чем любимый мужчина.

Уже без Керри я пошла изучать обитель греха и порока (есть у меня ощущение, что где заводится Бонни, без порока не обойтись).

Еще просторнее и светлее, чем моя-гостевая, и гораздо теплее и уютнее. Вместо хай-тека – лофт, стены имитируют старинную кирпичную кладку, по одной вьется живой плющ. Камин с сосновыми полешками, на полке – разнокалиберные пивные кружки, явно коллекционные, и модели байков. На темном деревянном полу – пятнистые коровьи шкуры, по стенам – афиши старых и новых мюзиклов, буклеты и программки с автографами, на отдельной полочке – статуэтки «Тони» и какие-то спортивные кубки. Надо же, Бонни держит их здесь, а не дома в ЛА… а кубки – его? Или Кея?

Огромная кровать с синим балдахином (я не стала приглядываться к столбикам, его поддерживающим), серебристо-серым покрывалом и горой расписанных городскими пейзажами подушек располагалась у левой стены. По обе стороны от нее были тумбочки, одна пустая, а на второй всякие мелочи: нефритовые шарики для ручной гимнастики, заложенная авиабилетом книга и забытые очки. Очки? Бонни никогда не говорил, что читает в очках. Мне всегда казалось, что у него отличное зрение, а получается – я ошиблась… хотелось бы мне его увидеть вот так: на постели, с книгой и кофе… их обоих в постели, спящими… меня опять заносит…

Здесь же стоял начатый флакон последнего «Кензо». Я не удержалась, взяла его в руки, понюхала, закрыв глаза.

Конечно, не хватало запаха волос, кожи, немножко пота – естественного запаха Бонни. Но даже одни только духи едва не заставили меня заплакать. Мне казалось, что сил на эмоции уже нет? Наивная Роза.

Все, хватит. Открывать шкаф и смотреть на его вещи я определенно не хочу. И еще меньше хочу видеть пустое место в этом шкафу – место, откуда совсем недавно убрали одежду лорда Говарда.

Больше друзья, чем любовники? Конечно. Больше, чем любовники – друзья. И глядя на их общую кровать, я никак не могла понять: где здесь место для меня? Зачем им вообще сдалась какая-то левая девица – без особой красоты, ленивая и бестолковая, где-то трусливая, где-то чересчур сентиментальная, к тому же слишком сосредоточенная на своих романах? Загадка природы.

Наверное, хорошо, что я не видела этой комнаты раньше. До того, как согласилась полететь сюда с Кеем и до того, как сегодня утром услышала его «люблю». Не поверила бы ни на грош во внезапную страсть лорда Совершенство! Впрочем, сейчас тоже верится с трудом. Но я хотя бы точно знаю, что он меня хочет, и ему бывает со мной хорошо и в постели, и вне ее. Ему нет смысла играть роль идеального возлюбленного, к нему и так очередь.

Мне определенно надо подумать обо всем этом, и особенно о будущей встрече с Бонни. Вполне может быть, что этой ночью он тоже немножко подумал, вспомнил свое отношение к мисс Кофи – и решил, что все к лучшему.

И мне определенно надо что-то сделать со своими вечными сомнениями. Ведь все хорошо, все просто замечательно, меня любят и собираются сегодня вывести в свет, а я снова чувствую себя серой мышкой при Великолепном Принце. Так же, как с Кобылевским. Но ведь Кей совсем, совсем другой! И Бонни другой! Господи, когда я уже поумнею и научусь просто наслаждаться жизнью, а?

Именно этот вопрос я и задала Манюне – с террасы с видом на залив, с морковным фрешем в руке. И получила традиционное: не дури, подруга. Тебе хорошо? Вот и радуйся, а все прочее образуется. Постепенно.

С ее напутствием мне в самом деле полегчало. И в знакомый белый «Бентли» я садилась, твердо веря: все будет хорошо. Так или иначе, но будет.

* * *

Неделя пролетела, как не бывало. Кей вкалывал как проклятый, я тоже – Дед Лайн грозился бейсбольной битой и неустойкой, если не сдам роман вовремя. Однако каждый вечер у нас находилось время (и силы, что важнее) друг для друга. Заодно я оценила честность Кея в самом начале: с его графиком работы сложно выкроить время хотя бы на одно безумство в месяц, а изображать героя любовного романа можно разве что во сне. Впрочем, со мной была примерно та же история, так что бешеная рабочая неделя нас даже сблизила.

До меня внезапно дошло, что с Кеем не нужно прикидываться кем-то другим, его устраиваю я такая, какая есть: по самые ушки в романе, без претензий на выходы в свет и ежевечерних полосканий мозга «интересом к его работе». Не то что мне было совсем не любопытно, но я рассудила, что если Кей захочет поделиться или просто выговориться, я всегда его выслушаю, а если нет – то не буду парить ему мозги. Так что иногда он кратко и емко высказывался о ком-то из партнеров или подчиненных, я кивала с умным видом, подпускала шпильку-другую… и на этом все заканчивалось. Зато ему нравилось, когда я рассказываю какую-нибудь ерунду из своей книги. Я садилась на диван, он ложился, устроив голову у меня на коленях, чтобы удобнее было чесать и гладить, и наполовину дремал. Честно, я была уверена, что он вообще пропускает мимо ушей ту галиматью, что я несу, а улыбается в нужных местах инстинктивно, следуя интонации. Ну и ладно, меня это тоже устраивало. Эти тихие, почти семейные вечера, нежный секс перед сном или по утрам (вполне заменяющий утреннюю физзарядку), маленькие подарки, обеды вдвоем…

«Не соблаговолит ли великий писатель оказать честь скромному меценату и разделить с ним обед сегодня, в пятнадцать часов? Буду ждать в «Гудвине»…»

И букет голубых ирисов, перевязанный очаровательным серебряным браслетом в эльфийском стиле.

Милый, чудесный Кей! Конечно же, великий писатель оторвался от компа, принял холодный душ и закапал в глаза нечто, поданное Керри, для избавления от красноты и отека, надел льняной сарафанчик и отправился в ресторан, к скромному меценату. Великим писателям тоже надо иногда обедать, даже если над головой висит дедлайн.

В этой идиллии я почти позабыла о Бонни. То есть я писала о нем, думала о нем, расспрашивала Кея о нем – но так, словно такого человека нет в реальности. В моей реальности. Это странное чувство: я почти была им, когда писала, я жила его жизнью, ощущала его гениальное безумие собственными нервами – но в то же время не могла и не хотела видеть его или говорить с ним. Мне казалось, что любая встреча сейчас нарушит хрупкую оболочку моей маленькой вселенной, и весь тот шквал эмоций, который должен попасть в роман, выплеснется вовне, снесет меня, разметает и оставит опустошенной над неоконченной книгой.

Наверное, я тоже немножко сумасшедшая.

Я так и сказала Кею, когда он в пятницу за ужином спросил, знаю ли я, что завтра труппа приезжает в Нью-Йорк, а в понедельник начинаются репетиции в здании театра. Оркестр, декорации, костюмы, пиар, полный дурдом.

– Знаю, но не пойду. Сначала я закончу книгу, Кей.

О том, что я поставила номер Бонни в черный список и не ответила ни на один звонок и ни на одну смску с просьбой о разговоре, я промолчала. Наверняка Кей и сам знает, с его-то параноидальной системой безопасности.

– Ладно. Кстати, мы можем завтра немного проветриться. Великому писателю тоже нужен выходной. Как насчет обеда на яхте и небольшой прогулки?

– Яхта? О… – мне безумно захотелось и обед на яхте, и прогулку, и все остальное тоже. Но дедлайн, будь он неладен! Завтра мне кровь из носа надо написать хотя бы половину главы!

– Ноут можешь взять с собой. Думаю, часа за два ты сделаешь свой обязательный минимум.

В его улыбке было такое понимание, что мне захотелось его стукнуть ложкой. Или сделать еще что-нибудь крайне неприличное и неподобающее леди. Но так как на серьезную неприличность сил не было от слова совсем (десять часов за ноутом, перед глазами двоится, спину ломит и вообще все какое-то не совсем реальное), я всего лишь показала ему язык и обозвала Никелем Все-Умрут-На-Работе.

Он так же устало посмеялся, пообещал отомстить завтра… и мы, добредя до спальни, упали на кровать и уснули, наверное, не успев коснуться головами подушек.

Идиллия двух трудоголиков, мать иха.

Глава 6. Принц и нищий, или Когда из шкафа что-то вываливается

Где-то в Восточной Европе, девять лет назад

Ирвин Говард

Публика бесновалась. И тетки, и девчонки, и парни – те, что нормальной ориентации, от злости, а те, что голубые – за компанию с тетками.

Один Кей (он даже мысленно называл себя так: к черту старую жизнь и лорда Говарда!) не мог понять собственной реакции. Нет, он однозначно не хотел завалить танцующего стриптиз Бонни прямо на подиуме, парни – не его профиль. Но Бонни двигался не просто красиво, он двигался невероятно, завораживающе. Как Каа перед бандерлогами. И бандерлоги послушно кидали деньги ему под ноги, пытались засунуть в трусы – только чтобы коснуться.

Чертов итальяшка! Такой талант, и разменивать на стриптиз для диких румын!

Кей с трудом оторвал взгляд от полураздетого Бонни, оглядел клуб, оформленный в стиле «битва Ктулху с марсианами, хром, фосфор и марихуана» – единственный в этом богом забытом городишке, вообще удивительно, как итальяшка его нашел! Нюх у него на злачные места, наверное. Впрочем, у Кея всегда была на такие места аллергия, он и в лондонские или нью-йоркские элитарные заведения заглядывал всего пару раз и только ради дела. Все это грубо, неэстетично, негигиенично, в конце концов! А дизайнера сдать в наркологию.

Опустив взгляд на свой бокал с чересчур сладким коктейлем, Кей хмыкнул. Да уж. Спать на сеновале, мыться в дождевой бочке и носить, не снимая, одни штаны две недели – вот это эстетично и гигиенично. И пить ядовитую дрянь из скверно вымытой посуды.

Хмыкнул и опрокинул в себя остаток дряни.

Тем временем несколько особо перевозбужденных теток полезли прямо на подиум – помочь Бонни снять трусы. Омерзительно. Если бы Кей знал, за каким чертом итальяшка тащит его в это место, ни за что бы не пошел! Он больше не лорд, но и не сутенер, чтобы брать деньги, заработанные таким образом.

Надо было не слушать итальяшку, а устроиться работать в автомастерскую. Двадцать пять евро в день и койка в кладовке с запчастями – достаточно, чтобы перекантоваться недельку, подумать о вечном, заправить байк и рвануть дальше в неизвестность.

Одному.

Но чертов Бонни не захотел торчать на месте, и работы в мастерской для него не было, и… бросать его одного было нельзя. И не хотелось.

Внезапно оказалось, что любимое, вожделенное одиночество и полная свобода не так прекрасны, как то же самое – но с кем-то рядом. С кем-то, кто ничего от тебя не требует, не ждет, и готов встать с тобой спина к спине просто так, а не потому, что у тебя миллион денег в кармане.

А этот кто-то взял и оказался… нет, назвать Бонни шлюхой язык не повернулся. Даже мысленно. Даже сейчас, глядя на его обещающую улыбку в адрес какой-то вульгарной мадам, не поворачивался.

Можно, нужно было уйти и не иметь больше дела с… с хастлером. Прямо сейчас уйти. В кармане лежали пятьдесят леев – гонорар за стрип-шоу от владельца клуба, и Кей точно знал: если он уйдет – Бонни только пожмет плечами, даже не пожелает ему подавиться полтинником, и через мгновение забудет о случайном попутчике.

Или не забудет.

Пожалуй, сам Кей не забудет.

Он снова кинул взгляд на подиум с шестом, и прилип. Не к торчащему напоказ члену итальяшки, а к его лицу. Дерзкий вызов на грани отчаяния, тщательно запрятанная тоска (по этому делу Кей был большим спецом – столько раз прятал свою в самый дальний закоулок) и натянутая струной, откровенная беззащитность. Словно он не танцует стриптиз в тысячный раз, не видя в этом ничего, кроме заработка, а в самом деле разделся донага перед толпой.

Офигеть.

Ему, заслуженно прозванному Никелем Бессердечным, хочется укрыть стриптизера теплым пледом, взять на руки и отогнать от него любопытную толпу.

Три раза офигеть! Немудрено, что у Бонни под ногами вся наличность, которая была у всех существ женского пола в радиусе поражения. Талант, редкий талант! Если сдать его в Голливуд, можно заработать до черта бабла.

Тем временем итальяшка (нет, не хастлер – артист, мать его, офигенный артист!) опустился на одно колено, собрал купюры и криво улыбнулся сразу всем, сгрудившимся у подиума и прилипшим к своим стульям.

– Grazie, – прозвучало в восторженной тишине.

Ему даже дали уйти, не порвав на лоскутки. А вот за брошенные на подиуме трусы уже подрались, с визгами и руганью. Не так чтобы всерьез, без выдранных волос и выцарапанных глаз, но эффект! Какого черта Бонни не в Голливуде и не зашибает миллионные гонорары?

Кей потряс головой. О чем он думает, Боже правый? Какое ему дело до Голливуда, гонораров, до дури итальянского укурка, в конце концов! Никакого. И нет, он не будет звонить продюсерам и прикидывать, в какой роли итальяшка будет смотреться лучше всего, и… Все. Все! Он завязал с бизнесом. А особенно – с меценатством, мать его. Никогда больше никакой благотворительности, нанюхался этой вони по самое не могу.

– Пятьсот, если ваш друг выступит у нас завтра, – раздалось над ухом. Неплохой английский для румына, машинально отметил Кей, оборачиваясь. – И четыре тысячи, если останетесь на неделю, – продолжил хозяин клуба, прилизанный брюнет в белом пиджаке.

– Я за него не решаю, – покачал головой Кей.

– Не надо ля-ля, – румын подмигнул и щелкнул пальцами, давая знак бармену. – Вы на мели, парни, и твой приятель явно опытная штучка. Треть с приватных танцев мне, и черта с два вы найдете лучшие условия.

Кею стоило большого труда усидеть на месте и не врезать по лоснящейся морде. Его, лорда, мать вашу, Говарда, только что назвали сутенером! Да, он договорился с мордой о стрип-номере, но, вашу мать, это не значит!..

Тем более это не значит, что он и Бонни – приятели, в смысле, именно в этом смысле приятели, разве он вообще похож на голубого?!

Так. Спокойно. Здесь нет лорда Говарда. И Бонни, кстати, тоже, как и той дамочки, что не стала драться за трусы, а целенаправленно удалилась в сторону служебного входа. Приватный танец, значит. Не вся наличность была у итальяшки под ногами. Или дамочка заплатит картой? Куда она ему засунет эту карту, мать вашу!..

Черт бы побрал эту румынскую деревню и пустой карман!

– Семь тысяч, двадцать процентов и комната для нас, – ответил тоном Никеля Бессердечного. – В случае если мой друг согласится тут задержаться.

Румын хмыкнул и пустил по стойке стакан с виски. Неплохой виски, такой временами употреблял Маккензи.

Тьфу ты. Опять. В задницу снобизм! Отличный виски, нищему байкеру такой не по карману. Так что берем и пьем, пока угощают.

– Пять штук, двадцать пять процентов, и я не спрашиваю ваших документов, – хмыкнул румын и, выпив, знаком велел бармену повторить.

– По рукам. Кей.

– Ласло, – кивнул хозяин клуба, и они выпили еще.

Бонни подсел к стойке через полчаса, спросил у бармена виски «такого же, как у него», и, отпив медленный глоток, обернулся.

– Надеюсь, здесь есть горячая вода.

Гордая независимая Сицилия.

– Есть. Даже ужин в номер. – Кей допил последний глоток из своего стакана. В голове слегка шумело, в животе было тепло, и в целом хорошо и лениво. Даже забегаловка уже не казалась совсем клоповником. – Останемся тут на недельку. Ласло дает пять штук.

– Офигеть какие гонорары, – хмыкнул Бонни.

– Да уж, – согласился Кей и глянул на итальяшку внимательнее.

Голливуд? Нет, пожалуй, нет. Но что-то определенно знакомое в нем есть. И это никак не связано ни с Голливудом, ни с байками, ни с Восточной Европой.

Сицилия.

Хм. А ведь точно. Если коротко подстричь, побрить, одеть в деловой костюм… Да. Определенно похож! Вечер перестает быть томным, однако!

– Есть охота. – Передернув плечами, Бонни вылил в себя остаток виски, спрыгнул с табурета и отправился к той же служебной двери, больше похожей на люк голливудской подлодки. Кей сам с собой поспорил: фунт на то, что не оглянется, независимая, мать ее, Сицилия! И проспорил. Бонни оглянулся ровно через три шага, устало ухмыльнулся и позвал: – Идешь, Британия?

Глава 7. Неон-трава, или Сам дурак

Где-то в Восточной Европе
Ирвин Говард

Нормальный ужин. Первый нормальный ужин за две с лишним недели в Восточной Европе. Нелегко живется вольным кочевникам. Нормальный горячий душ – и вовсе счастье. Плевать, что шампунь дешевый и бритва одноразовая! Плевать, что вместо душевой кабинки – отгороженный целлофановой занавеской угол. Почувствовать себя чистым – это очень, очень большое счастье. Раньше бы не оценил, а теперь… Боже правый, как меняется взгляд на жизнь, когда слезаешь с облаков!

Выйдя из душа, Кей плюхнулся на нормальную, чистую постель. Одну на двоих, скрипучую, в комнатушке чуть больше гроба – но это уже такие мелочи! Сеновал тоже был один на двоих, ничего, не передрались.

– Ваша отбивная, ледяной принц, – хмыкнул с набитым ртом Бонни и сунул ему в руки тарелку. – Королевская роскошь!

Подмигнув Кею, он смотался в душ, дожевывая на ходу, а Кей всерьез взялся за свинину. Божественно вкусную свинину! С картошечкой фри и кетчупом! И кто сказал, что это есть невозможно? Снобы, глупые снобы, ничего вы не понимаете. Пища богов эта картошечка фри и жесткая, как натуральный лесной кабан, отбивная! А главное, большая. Ее хватит, чтобы в желудке перестало урчать, а если не хватит – можно будет взять еще. Наверняка повар в этом, прости Господи, клубе – однорукий слепой имбецил, и едят его стряпню либо с большого перепоя, либо с еще большей голодухи. Но для здоровых парней после целого дня на свежем воздухе и трех ворованных яблок на двоих-то? Роскошь!

Из душа Бонни вышел довольный, мокрый и чисто выбритый. Вот так, с зализанными назад волосами и без недельной щетины, он еще больше походил на своего… отца? Дядю? Вряд ли дальнее родство, уж слишком похож. Может быть, расскажет сам. Или не расскажет. Не одному Кею не хочется вспоминать настоящее имя.

Упав рядом на кровать, Бонни потянулся, заложил руки за голову. И, мечтательно глядя в потолок, усмехнулся.

– Не думал, что ты останешься.

Кей вместо ответа фыркнул, слизнул с тарелки остаток соуса (чертовски вкусно!) и, отставив ее на пол за неимением столика, растянулся на своей половине.

– У тебя была такая морда… – Бонни снова усмехнулся. – Как у полиции нравов.

– Если тебе надоела моя морда, не вопрос. – Не то чтобы Кей всерьез считал, что итальяшке охота остаться одному, но лучше сразу это прояснить.

– Не. Ты прикольный. Косячок взял?

Кей на мгновение замешкался с ответом: потерял логическую связь.

– Ты не говорил, что надо.

– И хер с ним, забей. Ты это… короче, неважно.

На несколько минут повисло молчание. Неправильное молчание. Кей не спал, Бонни тоже, и просто так валяться было как-то… а, черт, зачем врать себе? Любопытно было до жути! Пожалуй, ни разу в жизни не было настолько любопытно. Да и таких острых ощущений, как в последние сутки, Кею доставалось только за штурвалом самолета. Есть смысл продолжить.

– Кастельеро, – тихо сказал он и снова замолк.

Бонни рядом едва заметно вздрогнул и напрягся, но ничего не ответил.

– Мне по херу, кем ты приходишься дону Кастельеро и почему бежишь, – покатил второй шар.

Рядом раздался тихий горький смех. Почти лай. А через минуту Бонни поднялся, уронив полотенце на пол, порылся в карманах куртки, вытащил что-то и щелкнул зажигалкой. В воздухе тут же поплыл сладковато-травянистый дымок.

– Не перестаешь удивлять, Британия. – Сев на постель, Бонни протянул ему раскуренный косячок. Кей взял, затянулся разок, вернул. Полотенце так и осталось на полу, нагота Бонни совершенно не смущала. – Сам-то… Ладно. Бенито Кастельеро. Официально дон Джузеппе мой дядя, но ему давно нет до меня дела. И слава богу.

Он снова затянулся, а Кей смотрел на его профиль – и почти видел своего делового партнера. Не самую приятную личность на свете, но и не самую дрянную. По крайней мере, работорговлей и тяжелой наркотой Кастельеро не занимался. По крайней мере, открыто.

Но вот так… сын дона Кастельеро – танцует стриптиз и трахается за деньги? Интересно, что бы написал об этом Марио Пьюзо.

– Ирвин Говард. С некоторых пор ненаследный принц в изгнании.

– «Драккар»? Офигеть. – Кею снова протянули косячок, обернулись, посмотрели на него с прищуром: опять дежа вю. – Хорошие байки. Не жалеешь?

Кей покачал головой.

– Не о чем. А ты?

Бонни передернул плечами:

– А я жалею. Надо было сначала кое-кого убить, а потом только сматываться. Или не сматываться. Есть у меня брат, Адриано…

Это была очень странная ночь. Они оба рассказывали о себе, словно бы не слушая друг друга, отдельными фразами, то замолкая, то перескакивая на что-то совсем другое – танцы, небо, любовь, отцы и матери… Наверное, Марио Пьюзо сделал бы из их разговора длинную и очень душещипательную сцену, но Кей не был писателем, и под косячок мысли текли ленивые, размытые, но цветные и в чем-то даже приятные. Да вообще напрягать мозг не хотелось! Он просто мог выговориться, впервые за свои двадцать семь лет, и впервые точно знал: его не будут осуждать, над ним не будут смеяться, его слова не используют против него сразу же, едва он замолчит. Ему не нужно соответствовать, а можно просто быть самим собой.

И Бонни – тоже. Странный парень. Не менее странный, чем сам Кей. И у них до черта общего и еще больше противоположного. У судьбы оригинальное чувство юмора.

Кей сбежал, потому что отец обещал лишить его наследства – а Бонни сбежал, потому что ему пытались это наследство всучить насильно. Кей ненавидел и не понимал искусства – а Бонни сам был искусством, артистом до мозга костей. Кей придерживался строгой английской морали, за всю жизнь у него было всего три любовницы, последнюю он содержал уже лет шесть и даже не думал о других женщинах… впрочем, и о ней особо не думал, – а Бонни… Бонни мстил своему биологическому отцу (история в духе Пьюзо, Кей не ошибся) собственной аморальностью и унижением. Он ненавидел себя так, словно сам был Джузеппе Кастельеро. И зная Джузеппе, можно было точно сказать: месть удалась. Старший сын дона (неважно, что по документам – племянник) танцует стриптиз, снимается в порно, отдается за деньги и получает от этого удовольствие. И чтобы добить дона Джузеппе – полгода был чем-то вроде сексуальной игрушки и выходного аксессуара отлученной от церкви скандальной поп-звезды, снимался в ее клипах то в ошейнике, то под парой мужиков, не говоря уже о сотнях непристойных фотографий по всей Сети. Сицилийца, доброго католика и поборника традиционных семейных ценностей должен был удар хватить. Даже странно, что дон Джузеппе жив, и еще более странно – что жив сам Бонни после того, как опозорил фамилию.

– Я хастлер. Это единственное, на что я гожусь. Я продаю свое тело, и меня это устраивает, – в его голосе снова звучал вызов: если тебе противно – уходи, не держу.

Кей покосился на Бонни: псевдорасслабленная поза, слишком поверхностное дыхание, слишком спокойное лицо. Только глаза блестят в свете неоновой вывески прямо за окном номера.

– Что, не нравлюсь? – вызов, щедро сдобренный горечью.

– Нравишься. Редкий ублюдок.

Бонни снова рассмеялся и потянулся. В профиль отлично было видно: возбужден. Как будто не трахнул вечером как минимум двух теток.

– Именно. Больной, ни на что не годный ублюдок. Она так и сказала.

– Сирена?

– Вышвырнула, как обоссавшегося щенка. Все это… – Бонни неопределенно махнул рукой на слегка облезлый потолок, – не имеет смысла. Пустота, приятель. По большому счету мы никому не нужны, даже самим себе. Твой папаша, небось, и не почесался, когда ты свалил.

– Плевать на папашу.

Кей врал. До «плевать» ему было так же далеко, как до инвестиций в марсианское оленеводство. Но лорд Стивен Говард в самом деле не почесался. Бросил уходящему сыну: «Когда надумаешь вернуться, предупреди секретаря заранее», – и отвернулся.

– Ага. По твоей снобской морде заметно, как тебе плевать. Принц в изгнании.

Кулаки сжались сами собой, но Кей их расслабил. У него все отлично с самоконтролем. Это единственное, с чем у него все отлично. Всегда было.

– Предлагаешь отрастить бороду, не мыться год и пересесть на ржавый велосипед? – тоном лорда на светском рауте. – А, еще ложиться под старых теток за тарелку чечевичной похлебки.

Бонни засмеялся. Правда, веселья у него не вышло. И смех оборвался очень быстро.

– Сукин ты сын. Не нравится – вали. – Бонни сел на постели, опершись на согнутое колено, с прищуром уставился на Кея. – Гордись своей моралью и мечтай, что папаша оценит. Может быть, даже позовет домой?

На этот раз Кей позволил своему телу сделать то, чего то требовало: как следует врезать сицилийскому укурку хуком справа и добавить…

Черт. Добавил бы, если бы укурок хоть сделал вид, что сопротивляется. Но от удара он просто упал обратно на кровать. Даже блока не поставил. Даже не попробовал увернуться. Рассеченная позавчера бровь снова разошлась, на простыню полилась тонкая струйка крови.

– Полегчало? – итальяшка криво ухмыльнулся Кею в лицо. Снизу вверх: Кей нависал над ним, как злодей над поверженным героем из плохого боевика.

– Сукин сын, – Кей заставил себя немного отодвинуться. До судорог хотелось врезать по этой его ухмылке, стереть ее, выплеснуть злость и забыть, не думать ни о чем. Но бить придурка, который просто позволяет себя бить? Он и так едва его не прикончил. Еще бы чуть, и проломил височную кость. – Чертов сукин сын!

– На себя-то посмотри, ледяной, мать твою, принц. Треска мороженая. Боишься, если перестанешь вести себя как чертов аристократ, папаша расстроится? Иди ты со своей благотворительностью…

Стоило большого труда не зажмуриться и не заткнуть чертова итальяшку. Каждое его слово било больнее, чем хук тяжеловеса. И еще было ясно, что итальяшка нарывается. Доводит до бешенства. Когда Кей ударит снова – только торжествующе ухмыльнется и…

Черт бы его побрал! Еще не хватало вестись на детские провокации!

– Трусишь, Британия, – итальяшка чуть пошевелился, и Кей явственно ощутил его возбуждение. И что было куда хуже, свое собственное. Адреналин, мать его, чистый адреналин, итальяшка не привлекал его от слова «никогда», но выглядело все чертовски однозначно. Комедия, мать вашу. – Драться боишься, трахнуть меня боишься. Жить боишься. Зря ты свалил из офиса, малыш. Попадешь в плохую компанию, научишься бяке.

– Не дождешься, Сицилия. Хочешь сдохнуть – без меня.

– Какой пафос!

Итальяшка склонил голову набок, не обращая внимания на лужицу крови под головой, и смотрел на Кея так, словно все о нем знал. Не просто все, а даже то, в чем Кей и сам бы себе не признался.

Например, что в самом деле боится нарушить табу: слишком глубоко в него врос долг будущего лорда. Трахнуть девицу в баре? Боже упаси. Лорды так не поступают. Напиться вдрызг? Лорду не подобает! Станцевать стриптиз? Кошмар, позор, нельзя! Черт. Черт бы побрал… он же завязал с «так положено»! Свалил в Румынию, сменил имя, выбросил сим-карту в мусорный бак еще в Хитроу, не оставил от прежней жизни ничего, вообще ничего!..

Кроме собственных мозгов.

Глупо-то как. Бежать от самого себя и пытаться остаться самим собой даже здесь. Сейчас. Зачем? Кому он нужен, лорд Мороженая Треска? Правильно, никому.

Даже самому себе.

– Отвали уже, Британия. Я спать хочу, – ухмылка итальяшки исчезла без следа, оставив лишь усталость и тоску. Хотя и тоска растворялась в синем неоновом блеске его глаз. Как будто двери закрывались.

И хорошо. Никому не нужны эти откровения. Каждый сам по себе. Между ними нет ничего общего, кроме одной глупой случайной встречи в баре.

Завтра надо будет сесть на байк и свалить отсюда. Он прилетел сюда за одиночеством и свободой, а не… пустым трепом с незнакомцем? Или почти случившейся дружбой?

Почти – не считается.

Он отодвинулся, не дожидаясь, пока его отпихнут. Улегся на свою половину кровати, завернулся в душное одеяло. Уставился в потолок, прислушиваясь к движению рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.